

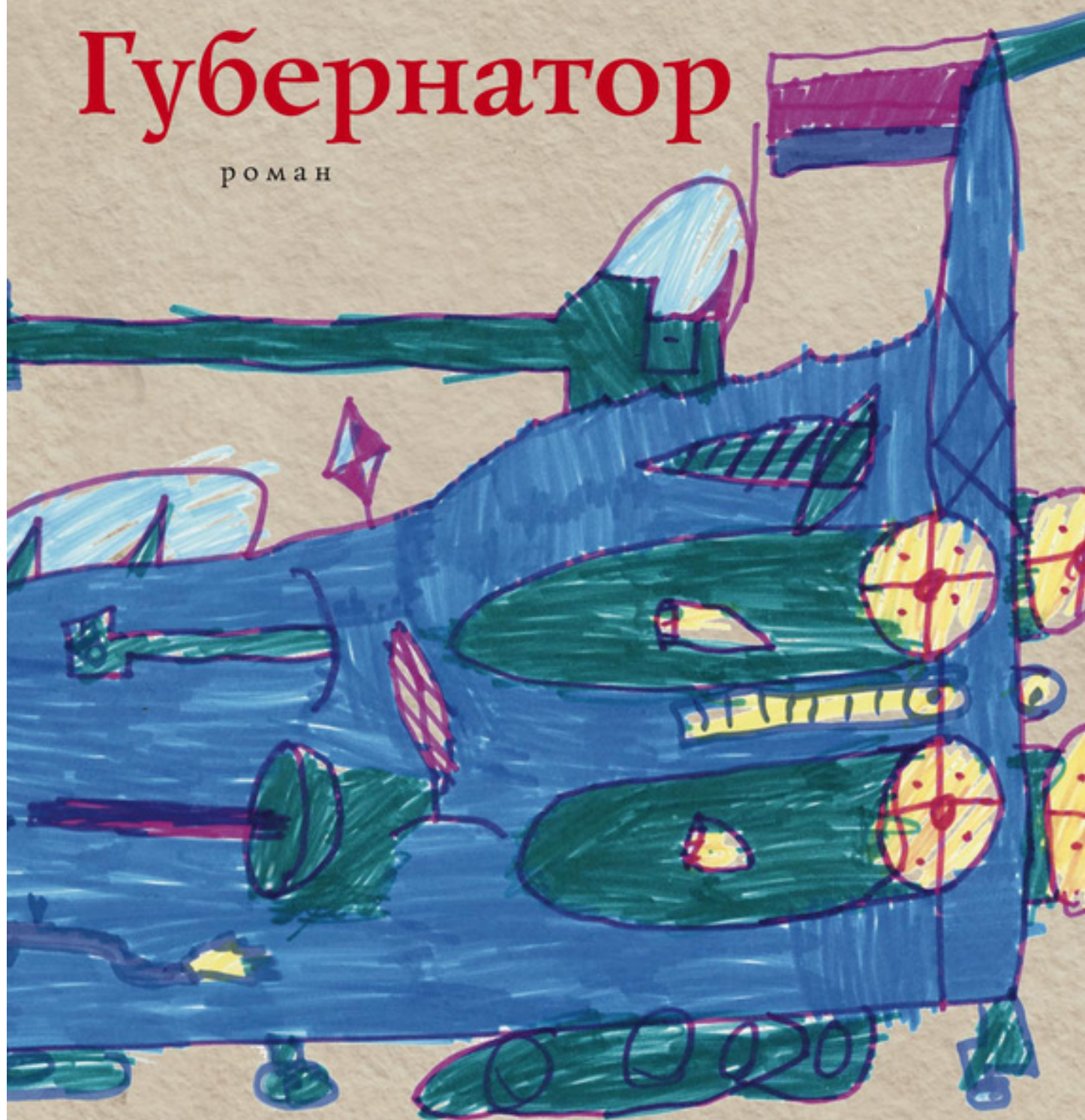
ИМПЕРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Проханов

АЛЕКСАНДР

Губернатор

роман

Имперская коллекция

Александр Проханов
Губернатор

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Проханов А. А.

Губернатор / А. А. Проханов — «Центрполиграф»,
2016 — (Имперская коллекция)

ISBN 978-5-227-06553-7

Новый роман Александра Проханова крайне актуален. Он написан в те дни, когда кругом назревают конфликты, падает экономика, человеческими душами овладевают уныние и разочарование. Главный герой романа – губернатор одной из русских областей, человек длинной воли. Однажды затеяв огромное дело, возмечтав о народном счастье, поставив себе, казалось бы, неосуществимые задачи, он всю жизнь тратит на их решение. Ему встречаются грандиозные трудности: его предают, на него пишут доносы, его почти убивают. Но его звезда, его заветная мечта помогают выстоять в грозный период русской истории. И он, подобно многим другим русским людям, выдерживает непомерное давление бытия, оказывается победителем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-06553-7

© Проханов А. А., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Андреевич Проханов
Губернатор
Роман

© Проханов А. А., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2016

Глава 1

Губернатор Н-ской губернии Иван Митрофанович Плотников дорожил своей фамилией. Она досталась ему от безвестного плотника, что ставил срубы для церквей, домов и колодцев. В фамилии звучала плотность, крепость, надежность, умение сплачивать, складывать воедино свои усилия и достижения. Так же катал венцы его предок, подбирая их один к одному, возводя звонкую смоляную избу. Плотогон вязал плоты, соединяя в крепкие связки танцующие на воде бревна, сплавлял их по рекам.

Среди государственных нестроений и хозяйственных неурядиц, изнуравших страну, среди неразберихи реформ и указов, от которых трясло заводы и корпорации, среди разболтанного и дурного управления, по вине которого падали самолеты и тонули корабли, сходили с рельсов поезда и взрывались ракеты, – губерния, где правил Плотников, казалась оплотом порядка и благополучия. Упорно и умело Плотников преодолевал разорение и бедность, доставшиеся от предшественников. Он обустроивал губернию. Ремонтировал дороги, строил жилье, открывал больницы, реставрировал старинные усадьбы. Появление каждого нового дома, каждого нового моста, каждого стадиона или плавательного бассейна он воспринимал как личное приобретение. Как свое собственное достижение, которое передавал в дар губернии, способствовал ее укреплению и процветанию. Он был садовник, который вживляет саженцы, ухаживает за ними, терпеливо ожидая будущего цветения. Садовник, а не лесоруб. Отмечал свой путь садами, а не просеками.

Главным его увлечением, его упорной страстью было строительство заводов. Изнуренные перестройкой, ограбленные лихоимцами, советские заводы лежали грудой развалин. Иlichадно дымили, отравляя небо железными ядами. Жутко и болезненно скрежетали старые станки и поломанные краны, рождая тяжеловесных уродов.

Плотников не закрывал эти допотопные производства, ждал, когда умолкнет на них последний мотор, погаснет последняя сварка. Умерший завод распиливали на части, сваливали лом в плавильную печь. И в бесцветном металле плавилось изнуренное время. В кипящем тигеле таились образы новых машин и заводов.

Плотников искал за границей компании и фирмы, готовые перенести в Россию свое производство. Те промышленные новинки, которых не могло быть в отставшей России. Заманивал иностранцев, предлагал им всевозможные выгоды, налоговые льготы, безопасность и сбыт. Ему принадлежала новация, получившая название – «индустриальные парки». Среди пустой, вблизи от шоссе и железных дорог отводилась территория. Тянулись высоковольтная линия, газопровод, водовод. И на эту территорию, как на космодром, опускался инопланетный корабль. Немецкий автомобильный завод. Итальянская фармацевтическая фабрика. Корейское производство телевизоров. Один за другим заводы приземлялись целыми эскадрильями, компактные, серо-стального цвета, почти невидимые среди лесов и полей. Мимо них, незамутненные, продолжали течь реки. У заводских проходных цвели полевые цветы. Заморская цивилизация вживлялась в русскую почву, пускала побеги, множилась, сливаясь в живой покров. И это преобразование происходило без надрыва, без скрежета костей, без истошной пропаганды. Плотников ставил заводы, как его предок ставил срубы, насыщая губернию этой изысканной цивилизацией.

Его успехи отмечала страна, замечал Кремль. Ходили слухи, что его призовут в Москву и предоставят высокий пост в правительстве, чуть ли не должность премьера. Ибо экономика нуждалась в новых дерзновениях, промышленность требовала новых лидеров, не похожих на говорливых и пустых неудачников, остановивших развитие. Плотников знал об этих слухах, относился к ним серьезно, ждал приглашения в Кремль. И продолжал рыскать по Европе и Азии, заманивал в свою губернию авангардные предприятия.

Он чувствовал свое предназначение. Чувствовал, что ему предстоят огромные свершения. Чувствовал приближение вспышки, которая озарит всю его жизнь. Готовился к поступку, которого ожидает от него множество людей, заблудших в сумерках бессмысленных дел, в лепете пустопопорожных слов.

Он строил заводы и обустроивал губернию. Еще и еще раз уподоблял себя плотнику, который кладет венцы один на другой так, что рубленные пазы, набитые мхом или пенькой, не оставляют зазоров.

Но иногда ему чудилось, что зазор остается. Он ловил странный холодок неведомого сквознячка.

В свои пятьдесят он был крепок, высок, исполнен властной величавости и теплого дружелюбия. На большом открытом лице серые глаза смотрели внимательно, зорко, и волнение, радостное или горькое, угадывалось по крыльям носа, которые напрягались, бледнели.

Губы сохранили мягкость и свежесть, и только в уголках рта начинали темнеть едва заметные складки, из которых со временем потекут темные реки старости.

Сейчас он осматривал металлургический комбинат в десяти километрах от губернской столицы. Хозяин комбината Федор Леонидович Ступин, владелец заводов на Урале и в Нижнем Новгороде, шел рядом с ним молодежью походкой спортсмена. В его стальных глазах светились раскаленные точки воли, упорной страсти и жесткой непреклонности, позволявшей владеть и управлять могучим заводом.

Ступин готовил к пуску громадный цех по производству труб, столь необходимых сибирскому газопроводу. Сталелитейное производство уже работало, переплавляло металл в слитки, которые копились на складе, ожидая пуска трубного цеха.

Они шли в ревущем и дрожащем сумраке, среди малиновых отсветов и металлических запахов. Их источала электропечь – малиновый цветок среди мрака, с сочными лепестками и бесцветной сердцевинкой.

Их сопровождали вице-губернатор Владимир Спартакович Притченко и главный инженер завода Коляда. Все четверо были в белых пластмассовых касках, придавших им сходство с экзотическими птенцами.

– Вчера, Федор Леонидович, приезжала экологическая экспертиза, – докладывал главный инженер Ступину. – Брали пробы воздуха, грунта, воды. Делали замеры в километре, в пяти, в десяти от комбината. Все в норме. Я им говорю: «Да у нас в цехах птицы живут. А они в дурном месте селиться не станут».

Главный инженер махнул вверх рукой, и Плотников увидел, как в малиновом зареве мелькнул голубь, вспыхнул стеклянным оперением.

Плотников, украшая губернию заморскими заводами, не просто умножал богатство вверенного ему края. Не просто заменял изношенную, израсходованную технику на восхитительные, невиданные в России машины. Он надеялся, что люди, обретая эти волшебные технологии, станут одухотвореннее и свободнее. Очнутя от гибельных лет, преодолеют поражение. Он улавливал в работе заводов энергии, преображающие утомленную страну.

Подходили товарные составы с металлоломом. Изрезанные, расплюснутые останки машин высыпались на площадку греющим колючим ворохом. В этой ржавой горе угадывались контуры разбитых автомобилей, измятые ковши экскаваторов, изуродованные железнодорожные рельсы. Виднелась танковая башня с помятой пушкой. Громоздились дырявые баки, сгоревшие трансформаторы, бортовина корабля с ватерлинией. Странно, нелепо, протыкая обломки, торчала чугунная рука неизвестного памятника, словно последний взмах утопленника.

Электромагнитный кран, как присоска, всасывал обломки, переносил в бадью, и та уплывала в цех, сбрасывала их в зев печи. Черный зев напоминал могилу, куда падали железные мертвецы. Шли похороны убитых машин. Траурно звучали раскаты и лягания цеха.

В печи, как в глухой пещере, слабо замерцало. Полетели зеленые и синие светляки. Раздался рык, словно в пещере проснулся разбуженный зверь. Полыхнула зарница, другая. И возникли три раскаленных клыка, три могучих электрода с пульсирующими белыми молниями.

Печь содрогалась и чавкала. Клыки рвали и давили железо. Огненная слюна хлопала, растворяя обломки. Печь, словно пасть, жевала, хрипела, давилась. Черные комья таяли. Казалось, их слизывает красный мокрый язык. Печь наполнялась вязкой малиновой жижей, дышала красным дымом, сыпала искры.

Сталь кипела. В ней лопались бесцветные пузыри, взлетали вязкие всплески. Печь казалась огромной кастрюлей, в которой варилось варенье. Шлак бурлил и вздымался, как черно-красная пена. Трескался, и в трещинах возникала ослепительная белизна, золотое сияние.

В этой бесцветной белизне, в слепящем золоте исчезали все формы, утрачивались все названия. Души умерших машин улетали из печи розовым дымом. Оставался только свет, изначальная материя, как в первые дни творения.

Плавка завершалась. Из печи изливалась ленивая черно-красная лава. И следом ликующим золотым ручьем хлынул металл. Успокаивался в изложницах стеклянными брусками, дышащими, мягкими, как мармелад. Темнел, остывал, превращаясь в черные теплые буханки.

Черствые грубые слитки уходили на склад, и в каждом таились будущие изделия, – трубы газопроводов, подводные лодки, орбитальные станции. Или крохотная подковка на каблучке прелестной женщины, танцующей под хрустальными люстрами.

Обо всем этом подумал Плотников, слыша рокот кипящей стали.

Теперь они шли по громадному, уходящему вдаль цеху, где заканчивался монтаж оборудования. Как великаны, стояли тяжеловесные прессы. Круглились рольганги. Драгоценно вспыхивали электронные системы управления. Весь цех, по частям, был куплен в Италии, Германии, Японии. Могучая заморская техника была готова служить насущному русскому делу. Катать трубы для газопровода, соединявшего заполярный Ямал с Китаем. Бронхи, вдыхающие русский газ в китайские легкие.

– Федор Леонидович, к декабрю запуститесь? Поздравим вас с первой трубой? – обращался Плотников к Ступину, наблюдая, как монтажники в касках тянут связки разноцветного кабеля. – Мне дали понять, что на запуск может приехать президент. Этот газопровод – его личное детище. Его ответ дурной Европе.

– Мы стараемся, Иван Митрофанович. – Ступин смотрел на сочленения гидравлического пресса, словно мысленно гладил кожу огромного послушного животного. – Эта дурная Европа чинит препятствия. Отказывается продавать электронику. Приходится хитрить, добывать через третьи страны. Я тоже слышал о возможном приезде президента. Для нас обоих это будет событие.

Ступин смотрел, как движется под металлическими сводами порталный кран, и в крохотной стеклянной кабине, как летчица, поместилась крановщица. Оглашала гулкое пространство тревожным гудком.

Главный инженер и вице-губернатор приотстали, заглянув на пульт управления прокатного стана.

– Отдаю должное вашей энергии и вашей смелости, Федор Леонидович. – Плотников с удовольствием смотрел в открытое, волевое лицо Ступина, который жадно озирает убегающий в туманную даль цех. Словно стягивал воедино множество громадных машин и хрупких приборов, стальных великанов и хрустальных циферблатов. Молниеносный удар зрачков, и цех загрохочет, зашевелится, наполнится алой летящей сталью, звоном громадных труб. – Когда вы затевали комбинат, о восточном газопроводе только ходили слухи. Вы рисковали. А вдруг отложат строительство? И спроса на трубы не будет? И все ваше дело рухнет? Вы прозорливец, Федор Леонидович.

– А разве вы не рискуете? Разве наша русская жизнь – не риск? Нас с вами спасает вера в то, что Россия выстоит. Вера вознаграждается, Иван Митрофанович.

Они посмотрели один на другого, единомышленники и партнеры, оказавшиеся вместе среди непредсказуемых сотрясений.

– А правда ли, Иван Митрофанович, что вы можете переехать в Москву? Приедет президент и заберет вас в Москву?

– Я люблю мою губернию. Я начал здесь большое дело и должен его закончить. Мы построили за десять лет сто тридцать заводов. Так строили только при Сталине во время первых пятилеток, перед войной. Но тогда кости трещали и кровь лилась из разбитых носов. Мы же ставим заводы, как сажают деревья. В бюджете скопились деньги, и теперь я хочу вложить эти деньги в людей. В жилье, в дороги, в детские сады и больницы. У нас огромные планы. Зачем мне уезжать из губернии?

– Но ведь кто-то должен заниматься экономикой в целом. Эти, в правительстве, никогда производством не управляли. Не знают, как выглядит завод. Только меркантильные схемы. Только менеджеры. Ни одного инженера. Затолкали страну в темный мешок. Кто-то должен из мешка Россию достать.

Моментальная ненависть сдвинула брови Ступина, полыхнула в глазах фиолетовой тьмой. Он прикрыл веки, чтобы не обнаружить накопившуюся усталость, неприязнь, глухой ропот. Он возвел махину завода, словно сдвинул земную ось, среди несметных препон, зло- вредных проволочек, угрюмого противодействия.

– Спасибо вам, Иван Митрофанович. Вы мне ни в чем не отказывали. Если бы не вы, до сих пор здесь бы котлован с водой оставался и лягушки квакали. Вы душой за дело болеете. В России таких немного.

Они шли под туманными сводами. И в сумраке, над их головами, вдруг зажглась ослепительная люстра электросварки. Дышала, плескалась, озаряла стальные конструкции. И исчезла, отекла гаснущими ручьями.

– Мы строим заводы, Федор Леонидович. Авиационные, автомобильные, ракетные. – Плотников смотрел, как меркнет на бетонном полу последний огонек сварки. – А должны построить завод, выпускающий лидеров государства. Эти лидеры, помимо общественных наук, социальных технологий, политических навыков, должны обладать чудесной особенностью. Они должны обожать страну, обожать народ. Это обожание не оставляет их в самые грозные и опасные для страны моменты. Такой лидер не предаст, не сбежит, не пустит врага в отчий дом. Такой лидер не оберет, не обидит народ, не выломает ему руки, заставляя работать. Такой лидер, занятый жестокими земными делами, не забудет о небе. Не забудет о народе, из которого вышел и в который, после смерти, вернется.

Ступин слушал, шагая среди железных великанов, способных мять сталь, как теплое тесто. Завод, который он воздвигал, требовал от него не вселенской любви, а непрерывного давления, а иногда жестоких ударов, чтобы сломить враждебную волю, равнодушие, нерадивость. Завод, в который он вложил всю свою страсть, ум и богатство, был включен в гигантскую силовую линию, сжимавшую мир. В угрюмый контур борьбы, опоясывающий континенты. И в этом контуре не было места сентиментальным чувствам, а только силе, прозорливости и неутомимой работе.

– Вокруг президента скопились хитрые дельцы и скользкие перевертыши. – Ступин уступал дорогу автопогрузчику, везущему сияющие стальные катки. – Иногда мне кажется, вокруг него образовался заговор. С ним может что-то случиться. Если к власти придет это льстивое и лживое племя, страны не станет. Они отнимут у нас страну, отнимут заводы, отнимут у народа России. Русские не уцелеют. Россия не уцелеет.

Голос Ступина захлебнулся, словно к горлу поднялся ком боли. Плотников почувствовал, что в этом крепком, удачливом человеке есть тонкая струнка, на которой держится все его

громадное дело. Его завод, его угрюмое служение. Как и в нем самом, Плотникове. Бруски заводов серо-стального цвета, что он ставил один за другим в губернии, напоминали плотную кладку, в которой не было зазора, как в крепостной стене. И это сообщало стене надежность, сообщало надежность его делу, всей его жизни. Но иногда ему казалось, что тайный зазор существует, в кладке притаилась огреха, и стена может качнуться.

Он пережил моментальную растерянность. Преодолеет ее.

– Россия устоит, Федор Леонидович, что бы ни случилось. Русский народ устоит. Потому что русский народ Богу угоден.

Их нагнали вице-губернатор Притченко и главный инженер Коляда.

– Федор Леонидович, пришел факс из Италии. – Коляда протянул Ступину лист бумаги. – Бригада наладчиков вылетает из Турина.

– Я же говорил, итальянцы не подведут! Мужская дружба сильнее санкций. – Ступин водил по листу радостным взглядом.

Плотников рассматривал коричневое от несмываемого загара лицо Коляды. На нем синели яркие солнечные глаза. Такой загар бывает у металлургов, проводящих жизнь у огненных печей, а солнечная синева глаз передается по наследству от какой-нибудь ясновидящей ведуньи.

– Откуда вы к нам в губернию? – спросил Плотников.

– С Донбасса, из Мариуполя. Там теперь металлургам делать нечего. Только артиллеристам. – Синие глаза Коляды потемнели, словно из них ушло солнце.

– Устроились? Как с квартирой?

– Пока снимаю. Спасибо, завод помогает.

– Мы только что сдали коттеджный поселок. Предлагаю дом по льготной ипотеке. Владимир Спартакович, – обратился он к вице-губернатору, – поможем металлургам?

– Конечно, – бойко ответил Притченко. – Укореним металлурга. Хохол хохлу всегда поможет, – хлопнул по плечу Коляду.

Они обошли трубопрокатный цех, еще холодный и пустынный, и вернулись в горячую зону, где ревела и содрогалась печь.

– Хочу вам сделать подарок в день пуска, Федор Леонидович. Пришлю из нашего областного театра балерин. Пусть танцуют в цеху на железных плитах. Символизируют изящество и легкость наших с вами подходов.

– А может, лучше группу «Хевел металл»? – засмеялся Ступин.

Они смотрели один на другого дружелюбно и весело, два неутомимых деятеля, знающие законы русской жизни, порой невыносимо жестокие. Той жизни, которой их наградила судьба и которую им не дано поменять ни на какую иную.

Плотникову не хотелось расставаться со Ступиным:

– Может, вместе пообедаем, Федор Леонидович?

– Не смогу, Иван Митрофанович. Сейчас вылетаю в Берлин.

Они направились к выходу.

Плотников – чтобы продолжить посещение объектов в губернии. Ступин – в аэропорт, где ждал его изысканный «Фалькон», готовый мчаться в Берлин.

Проходя мимо ревущей, с малиновым зевом печи, где плескалась сталь, Плотников увидел шальную птицу. Налетела на красное зарево. Оперение стеклянно сверкнуло, загорелось, и птица, как крохотный факел, упала в печь. Птичье сердце станет биться в громадной стальной магистрали, соединяющей континенты.

Глава 2

Плотников наслаждался мягким шелестом шин по безупречному, недавно проложенному шоссе. Навстречу, ударяя ветром, проносились тяжеловесные фуры, похожие на стада слонов. Мелькали, как солнечные вспышки, молниеносные автомобили. В полях зеленела рожь. Холмы, то голубые, то розовые, были в полевых цветах. Тихие речки, солнечные опушки, убегавшие вдаль проселки – все это радовало и манило своей тихой доверчивой красотой. И почти незаметные, как тени облаков, появлялись и исчезали заводы. Французский цементный завод напоминал башни небольшой живописной крепости, построенной среди сосняков. Чешское фармацевтическое производство с белоснежными, стерильными цехами, в которых бесшумно работали сияющие агрегаты. Биотехнологический комплекс – серебряные цилиндры и сферы, подобие церковных куполов. Предприятия пропадали в лесах, омывались чистыми реками, возникали в лугах с колокольчиками и ромашками.

Плотников передвигался по области без охраны, без тяжеловесного джипа с сиреной и ядовитыми лиловыми вспышками. Только водитель и неизменный вице-губернатор Притченко, самый приближенный из заместителей.

– Вот бы хорошо, Иван Митрофанович, если бы Ступин пустил свой цех в декабре. Как раз к вашему дню рождения. Был бы подарок.

– Он пустит. Подарок не мне, а президенту. Трубы, дорогой Владимир Спартакович, – это оружие не менее мощное, чем тяжелые ракеты.

Теперь они приближались к поселку Копалкино. Мысль об этом удаленном поселении причиняла Плотникову страдание. Мешала воспринимать свою деятельность, как успешное преобразование губернии, в которой исчезает убогость и бедность. Захолустье уступает место совершенной цивилизации.

Указатель «Копалкино» уводил с шоссе. Покинув ухоженную трассу, машина запрыгала по разбитому асфальту. Обочины были замусорены, навстречу катил какой-то нелепый, виляющий велосипедист, поля были не засеяны, зарастали молодым лесом. И только река, чистая, с синей студеной водой, радовала глаз.

Плотников испытал неприязнь к этому виляющему, должно быть пьяному, велосипедисту, к молодым осинкам, заселяющим непаханное поле, к уродливой черной махине развалившегося зернохранилища. Все это портило образ преуспевающей губернии. Образ успешного губернатора, дающего другим областям пример образцового хозяйствования.

На въезде в Копалкино на покосившихся ржавых опорах сохранилась стародавняя надпись: «Сов хоз „Красный луч“». Надпись была прострелена крупной дробью, в слове «луч» буква «л» была заменена буквой «с». Главная улица нещадно пылила, заборы покосились, дома казались обшарпанными, деревья были серыми от пыли. В кювете валялся остов «москвича» допотопной конструкции, вокруг играли неумытые дети. И опять Плотников испытал раздражение, какое испытывает садовод, увидев на цветущем дереве сухую уродливую ветку в лишайниках и коросте. И хотелось взять секатор и отсечь неживую ветвь.

Перед зданием администрации, серого силикатного цвета, с линялым триколором, собрался сход. Два десятка жителей топтались у ступенек администрации. Они казались одинаковыми, и мужчины и женщины, в мятых несвежих одеждах, словно их подняли из кроватей, где они прятались от солнца в сырой тени. Глава поселения Буравков был им под стать: в поношенном костюме, несвежей рубашке и в каком-то, попугаечного цвета, галстуке. Галстук не доставал до брюк, открывал круглое брюшко. Буравков кинулся встречать Плотникова, протягивая сразу обе руки, словно боялся не поймать начальственное рукопожатие.

– Спасибо, что приехали, Иван Митрофанович. А мы вот народ собрали. Люди хотят вас увидеть, – смущенно улыбался глава. Не отпускал большую теплую руку Плотникова, стискивая ее корявыми ладонями.

– Я тебе, Виктор Терентьевич, в следующий раз галстук подарю, – усмехнулся Плотников. Отобрал руку и легонько дернул галстук Буравкова, притягивая к ремню.

Люди молча, угрюмо смотрели. И не было в их лицах любопытства или неприязни, а лишь тупое равнодушие, готовность повернуться и разойтись по домам. Снова улечься в мятые сырые постели. И это отупение, равнодушие, обреченность доживать свои жизни в тихом тлении, это медленное и необратимое умирание вызвали у Плотникова острое возмущение. Желание разбудить, растолкать криком, свистом, ударами. Чтобы в мутных глазах возникло живое чувство, пусть не радость, а ненависть, и с этой разбуженной ненавистью он сможет взаимодействовать. Своей страстью и волей он превратит эту ненависть в энергию творчества.

– Ну, что, граждане славного поселения Копалкино, закопались вы, скажу я вам, глубоко. Не люди, а корнеплоды какие-то! – Плотников поднялся на ступеньки крыльца, возвышаясь над головами своим крепким подвижным телом, элегантным костюмом, дорогим французским галстуком. – Есть такие лежалые корнеплоды, свекла или картошка, в земле и плесени. У вас хоть в домах зеркала есть? Вы хоть бреетесь, головы чешете, детей умываете? – Плотников хотел их задеть, оскорбить, вызвать ропот. Увидеть, как в глазах сквозь муть блеснет гнев. – В вашем Копалкине кино про войну снимать. Вот, дескать, что с нами проклятые оккупанты сделали. А вам, дорогие мои, и грим не нужен. Как военнопленные смотрите. Может, к вам ученого прислать, который изучает древние племена, жившие на территории нашей губернии? Дескать, сохранилось одно древнее племя, живут в пещере, добывают огонь трением, копают в полях луковки и клубеньки. И вождь вашего племени подходящий, из одной с вами пещеры. Правильно я говорю, Виктор Терентьевич? – Он повернулся к Буравкову, который покорно слушал. – Но я вам скажу, и древние люди любили свою пещеру, чистили, убирали, украшали шкурами, рисовали на стенах наскальные рисунки, которые теперь считаются великими творениями. А вы? Неужели трудно каждому свой забор поправить, молотком постучать? Кисточку взять и наличник на доме покрасить? Машину песка привезти и выбоины перед администрацией засыпать? Неужели трудно, Виктор Терентьевич? – Он вонзал свои отточенные слова в понурого, испуганного Буравкова. В опухшее небритое лицо тучного мужчины с царапиной на щеке. В бесцветный лоб под линялым платочком немолодой худощавой женщины, которая смотрела куда-то в сторону, приоткрыв рот. Но обидные слова не причиняли боли. Казалось, люди бесчувственны, словно находятся под наркозом. – А ведь может так случиться, что Копалкино исчезнет с карты губернии. Зарастет лесом, дорогу дождями размочет, и останется только искореженный указатель «Красный суч», неизвестно в какую сторону.

Плотников вдруг почувствовал усталость, словно все его силы утекли в неведомую дыру, которая сосала жизненные соки из этого погибающего поселка, изнуренных людей, из утлых домов и чахлах деревьев. Где-то в тусклом небе, в мутной мгле таилась скважина, сквозь которую земля теряла свои животворные силы, питая этими силами неведомую сущность.

Плотников одолел минутную немощь. Решил воздействовать на сонные души вдохновенными речами.

– Дорогие мои, осмотритесь вокруг! Узнайте, в какой чудесной губернии мы с вами живем! Я пришлю вам десяток автобусов, самого современного класса. Садитесь в них, старики, дети, и прокатитесь по нашим просторам. Вам покажут удивительные небывалые заводы, которых не знала Россия. Голландцы построили завод по производству инсулина, который прежде мы покупали за границей. Вы увидите стерильные, ослепительно-белые лаборатории, похожие на операционные. Автоматы, сверкающие, как серебряные скульптуры, разливают по ампулам целебную жидкость. Человек, работающий на таком производстве, не станет сквернословить, обижать детей и животных, мять цветы. Немцы возвели завод композитных матери-

алов. Казалось бы, тонкая пленочка, а выдерживает вес грузовика. Казалось бы, хрупкая пластина, а не пробьешь пулей. Казалось бы, шелковая нитка, а пропускает ток в тысячи ампер. Из таких материалов делают крылья сверхзвуковых самолетов, корпуса ракет, элементы космических станций. Наша с вами губерния летает в космосе. Мы с вами космические люди! Мы купили в Японии станки, которые обрабатывают деталь, ее не касаясь. С помощью этих станков на заводе вытачивают гребные винты для подводных лодок. Такие винты бесшумны. Лодку не засечет ни один гидролокатор, и она становится неуязвимой. Наша с вами губерния плавает в океанских пучинах!

Плотников рассказывал о волшебных производствах, которые он вырастил в губернии, как садовник в ботаническом саду выращивает чудесные цветы. Он увлекал людей в свое творчество, расколдовывал, выводил из мучительного гипноза. Верил, что они очнутся, пойдут за ним, преобразятся.

– Вы знаете, мы были отсталой областью, откуда уезжали люди, где не рождались дети, воровали и бездельничали чиновники. Теперь же мы строим новую губернию, новую страну, ту, что нам не дали достроить в девяностые годы. Страну, способную конструировать невиданные машины, совершать небывалые открытия, создавать неповторимые произведения искусств. К нам едут люди со всей России. Рабочие, ученые, художники. Здесь появляется новый человек, неутомимый, творческий, чистый умом и добрый сердцем. Не таким ли, скажите, является наш русский человек?

Плотников старался вовлечь этих людей в чудотворный вихрь, который когда-то подхватил его самого и повлек по захолустным городкам, ветхим селам, преобразая их, создавая невиданную жизнь, полную красоты и энергии. Это преобразование многие называли чудом. Оно и было чудом, где объяснимое и понятное соседствовало с необъяснимым и чудным. Он сам был преобразен этим чудом. Летел в этом таинственном чудотворном вихре.

Но люди, стоящие перед ним, оставались немые и глухи. Чудо их не коснулось. Вихрь не долетал до этих сломанных заборов и печальных лиц.

– Дорогие мои, может, вы думаете, что я рассказываю вам сказку о каких-то заморских краях? Да нет же, это все рядом, по соседству с Копалкиным! Это и ваших рук дело! И вы к этому причастны! И вы строите новый завод по производству стекла, из которого можно создавать хрустальные вазы и ставить их на столы в ваших домах с букетами цветов. А также лазерные дальномеры для скоростных истребителей, сбивающих противника на дальних дистанциях. Все это наше общее дело! Не мое, не бельгийских или немецких инженеров, не богатых предпринимателей и собственников. А всех нас, всего народа, – наше общее с вами дело!

Плотников вдруг остро почувствовал, что его от людей отделяет стена. Его слова ударяют в прозрачную стену и падают, как оглушенные птицы. Вся земля перед крыльцом была в ворохе убитых слов, мертвых остывающих птиц.

Его сильное здоровое тело, облаченное в английский костюм. Небрежно повязанный французский галстук. Модные швейцарские часы с золотым браслетом. Дорогой немецкий автомобиль, на котором он приехал. Вся его напыщенная пылкая речь. Все это делает его чужим для этих изнуренных, вялых людей. Проповедь, обращенная к ним, фальшива и неуместна. И эту фальшь чувствует вице-губернатор Притченко, потупив глаза. И глава поселения Буравков, виновато улыбаясь, словно ему неловко за эту фальшь.

Было слышно, как поблизости отчаянно лает собака. И Плотников подумал, что он сам со своей гремучей речью был похож на собаку с привязанной к хвосту консервной банкой.

– Ну, что, товарищи, кто о чем хочет спросить Ивана Митрофановича? Губернатор не каждый день к нам приезжает. – Буравков, смущенный и подавленный, побуждал сограждан высказываться.

Люди молчали, топтались, отводили глаза. Иные вздыхали, глухо кашляли. Но постепенно в них начиналось движение.

Одутловатый, с лиловыми тенями в подглазьях мужчина, плохо выбритый, в замызганной спортивной куртке, кашлянул в грязный кулак:

– Я говорю, лесопилку закрыли, автобазу закрыли, совхоз раздербанили. Где работать? Идти воровать? Молодежь убежала, и ее не сыщешь. Мы, кто постарше, водку пьем. А кто спился, тот стариков доит. Из пенсии стариковской себе на бутылку выживает. Чего нам делать-то? На крюк веревку наматывать?

Маленький лысый человек с острым носиком и хохолком, похожий на верткую птичку, притопнул, суматошно взмахнул руками:

– Мы немцев сюда привели, в коттеджи их поселили, и они теперь нам хозяева. Русский мужик на них вкалывает. А наши батки их из этих мест выбивали и до Берлина гнали. А мы их сами назад привели. И какая это «победа»? «Хенде хох» называется!

Распихав локтями соседей, выскочила тощая плоскогрудая женщина в мужском пиджаке, с синяком под глазом:

– А я на этих фрицев – тьфу! Я на этих олигархов – тьфу! Я лучше пить буду, крапиву жрать, а на этих кровососов не стану работать! В партизаны уйду! – Она качнулась, ее удер-жали, спрятали за спины других.

Плотников чувствовал, что на него направлено множество взглядов, недоверчивых и враждебных. Из каждого исходило невидимое острие, кололо, не подпускало. Он был для этих людей незванный чужак, который явился неизвестно зачем из другой, несбыточной жизни, в которую их никогда не пустят. Мысль об этой неправдоподобной жизни вызвала у них едкое раздражение, в котором, как в кислоте, разъедались все его высокие уверения. И Плотников, не желая оставлять этих людей среди их мглы, неверия, ожесточения и злобы, кинулся на эти острия.

– Я вам не все сказал! Я вернулся из Австрии, где заключил контракт с австрийской фирмой «Безен Дорхер». Она производит музыкальные инструменты мирового класса – рояли, пианино, скрипки, виолончели. Завод по производству этих струнных инструментов мы построим у себя в губернии. И не где-нибудь, а у вас, в Копалкине. Отсюда великолепная музыка разольется по всему миру! Лучшие пианисты, скрипачи наполнят концертные залы Вены, Парижа, Нью-Йорка музыкой, которая берет свое начало из ваших мест. Забудьте про свою гремучую лесопилку, сырые доски, гнилые опилки и трелевочные трактора. Дерево, которого станут касаться ваши руки, будет петь, благоухать, отливать драгоценным лаком. Струны, которые вы натянете на скрипках и виолончелях, станут откликаться на удары смычков, и мир услышит музыку Паганини, Моцарта, Чайковского. И это будет ваша музыка! Мы отправим вашу молодежь в Австрию, чтобы она научилась искусству австрийских мастеров. Молодые люди посетят Венскую оперу и услышат гениальных певцов и музыкантов. Завод опустится к вам прямо с неба, а вместе с ним – прекрасная дорога, коттеджный поселок для специалистов, школа, магазин. Создание завода предусматривает благоустройство и преобразование всего вашего поселения. Здесь больше не будет кривых заборов, заколоченных окон, осевших домов. Мы разобьем прекрасный парк и соорудим великолепный фонтан, сияющий радугами. Мы уберем, наконец, этот чудовищный знак при въезде в ваше поселение, продырявленный дробью. И установим серебряный скрипичный ключ, который отныне будет символом Копалкина. И пусть из ваших домов звучит музыка великих композиторов, и ваши дети учатся в музыкальной школе, а потом создают на заводе скрипки, которым позавидовал бы сам Страдивари!

Плотников, взволнованный этими образами, напоминавшими радужную росу фонтана, хотел, чтобы эта волшебная роса опустилась на изможденные лица, омолодила, преобразила их. Умолк, ожидая отклика.

Раздвинув плечами стоявших, выступил вперед человек, в рубашке пузырем, в кепке набок, с белесым вьющимся чубом. В открытом ворота виднелась жилистая загорелая шея с цепочкой. Глаза шальные, бегающие, хмельные. Нос с горбинкой сдвинут на сторону, как хищ-

ный клюв. Губы узкие, подвижные, в мелких едких смешках. Казалось, сквозь лицо просто-душного и беспечного гуляки проступало другое, лихое и хищное. Встал перед Плотниковым, расставив ноги, руки в бок.

– Здравствуйте, Иван Митрофанович, господин губернатор. Спасибо вам от народа, что сделали такой крюк и к нам завернули. Вы не думайте, что мы здесь глухие и дикие и добрых слов не понимаем. Вы нам про музыку говорили, которая с неба полется, и о Копалкине весь мир узнает. Я музыку уважаю, сам на балалайке играл. «Калинку-малинку», «Светит месяц», «Во поле березонька стояла», «Артиллеристы, Сталин дал приказ». Этот завод, который рояли будет строить, – очень для нас хорошо, и спасибо.

Человек поклонился. Глаза его смиренно потупились, а потом вспыхнули, яркие, солнечно-рыжие, как цветы одуванчика. Плотников был благодарен ему и подумал, что проповедь его не пропала в туне. Радужная роса коснулась этой души, которая уверовала.

– Но чего я хотел сказать, Иван Митрофанович. Когда будете ставить завод и копать котлован, аккуратней. Грунты у нас больно тяжелые. Как бы не просесть заводу! У нас почему Копалкино? У нас в старину мужики вздумали колодец копать и до центра земли докопаться. Говорили, есть царствие небесное, царствие земное и царствие подземное. На небе и на земле русскому человеку нет места. Так, может, в царствии подземном его примут. Копали, говорят, лет десять, и докопались. Ушли в подземное царствие и не вернулись, должно, там понравилось. А потом грунт осел, и колодец засыпало. И вход в подземное царствие завалило. Вот почему – Копалкино. Грунты, говорю, тяжелые!

Человек озабоченно качал головой, показывая большие жилистые руки, готовые к земляным работам. Плотников собирался его успокоить, рассказать о новейших технологиях возведения фундаментов, о легких и сверхпрочных конструкциях, об инженерах мирового класса. Но чувствовал в словах человека тайное глумление, язвительное веселье.

– Колодец завалило, да не весь. Видать, какая-то щель осталась. Дырка, которая под землю уходит. Из дырки этой звук идет, музыка, которая на песню похожа, только без слов. Зимой особенно слышно. Ночь, фонарей на улице почти не осталось, ни души. И вдруг как завоет, запоет, будто в земле струна дрожит, и от нее гул идет. Музыка подземного царствия. От этой музыки люди, скажу я вам, звереют, шерстью обрастают. Друг друга грызут, оскорбляют, в колодцы дохлых собак кидают и пьют, чтобы этот вой не слышать. И чего я боюсь, Иван Митрофанович, господин губернатор, что вы этот завод распрекрасный к нам посадите, и мастеров иностранных пришлете, и Дворец культуры постройте, а мы, подземные люди, все это в щепки! Мастеров погоним, скрипки топорами порубим, Дворец культуры спалим, а скрипичный знак, который вы серебром покроете, вырвем с корнем и прежний знак вроем – «Красный суч». Потому что, Иван Митрофанович, мы здесь, в Копалкине, подземные люди!

Глаза человека стали желтые, как латунь. Кривой нос заострился, и горбинка на нем побелела. Губы стали бесцветные, в мелких бешеных судорогах. И казалось, прежнее, восхищенное лицо ушло вглубь, а выступило злое, безумное и жестокое.

– Ты чтой-то, Семен, говоришь? Чтой-то на нас наговариваешь? – Глава поселения Буравок ужаснулся и умоляюще смотрел на Плотникова, ожидая для себя немедленной гибели.

– А ты, Буравок, лучше Расскажи губернатору, как ты собаку свою удавил и таскал по поселку на тросе, а потом в дом закинул, где раньше библиотека была. До сих пор там гниет. Потому что ты, хоть и глава, а тоже подземный человек!

Плотникову казалось, что он находится под наркозом. Горбоносое лицо то приближалось вплотную, и можно было разглядеть поры на щеках и рыжеватые, невыбранные щетинки. То лицо удалялось в бесконечность, как в перевернутом бинокле, и это лицо окружала радужная каемка, будто оно смотрелось сквозь призму.

– Я-то, Семка Лебедь, человек безобидный, домашний. Целый день дома сижу и ножичком из чурок солдатиков, зверушек, птичек вырезаю и детишкам раздаю. Но вдруг, Иван Мит-

рофанович, из этой подземной дыры как загудит музыка подземного царствия, и я зверушек и птичек бросаю и с ножичком бегу на улицу и ищу, кого бы зарезать. А хоть бы и вас, Иван Митрофанович! – Человек ткнул в его сторону длинной рукой, в которой, казалось, блеснула финка. Плотников почувствовал в сердце острую резь, которая пронзила и остановилась в нем. И все вокруг набрякло красным. И дома, и стоящие люди, и беспомощный глава Буравков, и вице-губернатор Притченко, кинувшийся его заслонять, и Семка Лебедь, который усмехался, показывал пустую разжатую ладонь. Это длилось мгновение, кровь, залившая мир, сцедилась, и мир вернул себе прежние краски.

– Ты, ты... – заикался Буравков. – Ты, Семка, опять захотел на зону?

– Вы, Иван Митрофанович, его не слушайте. Я человек добрый. И все у нас в Копалкине добрые, безотказные. Вот Анька, смотрите какая!

Он растолкал людей и вытянул из рядов женщину. Высокая, в розовой блузке, с тугой налитой грудью, с волосами в мелких барашках, она казалась большой куклой. Белое фарфоровое лицо, обведенные синевой глаза, выщипанные высокие брови, пунцовые губы, на которых блуждала размытая, пьяная улыбка. В ушах ее были серьги с красными камушками. Она стояла, покачиваясь, не отнимая у Семки белую, пышную руку.

– Она, Анька, мужика своего потеряла. Он ей двух ребятишек заделал и сам ушел, может, в подземное царствие. Анька детишек растит, на хлеб зарабатывает. Ходит на трассу и под дальнотойщиков ложится. Они ее так полюбили, что к нам в Копалкино приезжают. Спрашивают: «Где тут Анюта Сладкая?» Она и впрямь сладкая. Не желаете попробовать, Иван Митрофанович? – Семка тянул женщину за руку, словно хотел подвести ее к Плотникову. И та, пьяно пошатываясь, шагнула и вдруг истошно взвыла, долго, заваливая назад голову, обнажая белую шею, на которой дрожала налитая голубая вена:

– Ненавижу! Проклятые вы! Людоеды! Пусть вас черви сожрут!

Семка Лебедь хохотал, пританцовывая. Люди шарахались, разбегались. Глава Буравков что-то жалобно лепетал. Вице-губернатор Притченко вел Плотникова к машине, заслоняя собой. Через минуту они мчались по разбитому шоссе, и Плотникову все слышался истошный бабий вой, виделась жуткая синяя вена.

Глава 3

Он редко терпел поражения. Осторожным воздействием или властным давлением подчинял себе несогласных, добивался целей, иногда почти недостижимых. Вовлекал в свой замысел множество людей, в том числе и недавних противников. Теперь же, в Копалкине, он потерпел неудачу. Его отвергли, ему не поверили, над ним насмеялись. И все его искусство убеждать, увлекать в свою мечту маловеров здесь не пригодилось. Ядовитая тьма, зыбкая трясина, пугающий оползень были готовы его поглотить. Утягивали под землю, в загадочное «подземное царствие». Туда уже провалилось поселение Копалкино. Оставило на поверхности косые заборы, заколоченные дома и горстку последних обитателей, ожидающих своей очереди.

Его сердце, испытавшее удар несуществующей финки, уже не болело, но в груди была странная пустота, окруженная оплавленной кромкой.

Постепенно он успокоился. Смотрел в окно машины, сидя рядом с вице-губернатором Притченко.

Летели мимо цветущие луга, словно по ним пробежало разноцветное солнце. Вдали, синие, тенистые, стояли дубравы. И хотелось остановить машину, выйти в луга, уйти подальше от дороги в это ликующее цветение. Ноги путаются в фиолетовом горошке, в сладких белых и розовых кашках. Ослепительные в своей белизне ромашки, сиреневые, прозрачные колокольчики, фиолетовые свечки подорожника, желтые звезды зверобоя. Все сверкает, дышит, источает сладкую пыльцу, медовые ароматы, от которых молодая пьяная радость. В цветах мельканье бабочек, бесчисленных прозрачных существ. Вот упал на цветок огненный, раскаленный червонец, продержался на цветке мгновение и умчался, как рубиновая искра. Серебристые голубянки, лоскутки лазурного шелка, гоняются одна за другой, и глаза не успевают следить за их мельканьем. Серые невзрачные совки вдруг блеснут изумрудными глазами, затрепещут в зарослях клевера. Грациозная, как балерина, боярышница протанцует в потоках света, и ее срежет молниеносная птица, стеклянно сверкнув на солнце. И в этом раскаленном сиянии брести, обожая этот луг, это дарованное Богом лето, эту восхитительную жизнь, единую в тебе, в цветке, в промелькнувшей птице. А потом с жары, с горящим лицом, войти в дубраву, в ее прохладные синие тени. И в могучих дубах, в туманном луче тончайшей радугой сверкнет паутина. Кто-то невидимый колыхнет тяжелую ветку, и на ней, еще зеленые, в крепких чашечках, закачаются желуди.

Плотников смотрел на летящие луга, мимо которых мчала его машина. Мчала нескончаемая, растянутая на десятилетия забота.

– Я хотел вам сказать, Иван Митрофанович. – Вице-губернатор Притченко, некоторое время не мешавший его созерцанию, нарушил молчание. – Вам необходимо брать с собой охрану. Вы пренебрегаете безопасностью. Этот безумец с желтыми глазами мог и впрямь вас пырнуть. Что у сумасшедшего на уме? Что у бывшего уголовника в руке? Береженого бог бережет, Иван Митрофанович.

– Вы заслонили меня. Если бы у этого Семки Лебеда был нож, вы бы получили удар. Я вам благодарен, Владимир Спартакович.

У Притченко было крупное красивое лицо и внимательные глаза под пушистыми бровями. На кончике носа была ложбинка, словно нос слепили из двух половинок. На подбородке была небольшая выемка, а по лбу от волос до переносицы пролегла мягкая складка. Будто лицо его сложили из двух половин, и там, где они срослись, остался мягкий след. Когда Притченко волновался, этот след розовел, еще ярче обнаруживал линию разъема. И казалось, если осторожно ухватить и потянуть, можно разять эти две половины. Сейчас розоватая линия на лице была отчетливо видна, и это выдавало в Притченко неподдельную озабоченность.

– Вы, Иван Митрофанович, преобразуете область. Совершаете своеобразную революцию. А народ в период революций возбужден, непредсказуем. От него можно ждать любых сюрпризов.

– Эту революцию, как вы говорите, я совершаю ради людей. И люди это чувствуют. У меня нет врагов.

– Это не совсем так, Иван Митрофанович. За вашими деяниями внимательно следит Москва. Внимательно следит Кремль. Внимательно следит правительство. Губернаторы вам завидуют, – почему наша область богатеет, а у них шаром покати? Нашептывают премьеру, что вы метите на его место. Премьер у нас мнительный, ревнивый. Он присылает к нам комиссию за комиссией, ищут на вас компромат. Ходят слухи, что президент может отправить правительство в отставку и вас назначить премьером. Страна нуждается в смене курса, нуждается в новых управленцах, в новых авангардных идеях. А кто, как не вы, новатор? Кто, как не вы, предлагает индустриальную революцию, без хруста костей, без надрыва, строит цивилизацию двадцать первого века? Вы подобны Столыпину. Таких, как вы, единицы. Вы – национальное достояние. Не уберегли Столыпина, и Россия пошла под откос. Случилась катастрофа. Вас нужно беречь как зеницу ока. Настаиваю, Иван Митрофанович, вам нужна охрана, нужны усиленные меры безопасности.

Притченко был взволнован. На его лбу резче обозначилась складка, похожая на розовый свежий рубец. Плотникова тронула эта неподдельная забота. Когда-то Притченко, работая в крупной корпорации, попал в беду. Его оговорили, отстранили от должности. Ему грозил суд. Плотников отвел от него все напасти. Приблизил к себе и с тех пор ни разу не пожалел о своем выборе.

– Вы знаете мой принцип, Владимир Спартакович. «Любить народ, бояться Бога». Можно затевать реформы во имя народа, и при этом для достижения великой цели скрутить народ в бараний рог, так что к концу реформ и народа не останется. И поэтому нужно бояться Бога, который не позволит тебе быть безжалостным в проведении реформ. Остановит тебя, если ты попытаешься совершить жестокость или насилие. Я не боюсь моего народа, потому что он понимает мои намерения.

– Иван Митрофанович, не понимает! Народ не благодарен. Народ вероломен. Наш народ, Иван Митрофанович, – народ-предатель! Он предал царя и расстрелял его из наганов. Он предал святое православие и порушил церкви. Он предал Сталина и навалил на его могилу груды мерзкого мусора. Он предал Хрущева, Брежнева. Предал великий Советский Союз, который бесплатно учил и лечил народ, дарил ему квартиры. Народ и теперь готов предать. Мы живем в эру предателей, Иван Митрофанович!

– Но вы-то не готовы предать! Команда, которую я собрал, не готова предать. Если повсюду видеть предателей, нужно заточиться в крепость и не выходить наружу.

– Не поможет, Иван Митрофанович! Всегда найдется предатель с золотой табакеркой в руках!

– Оставим это, – раздраженно перебил его Плотников. – Лучше расскажите о мероприятиях, которые вы намерены осуществить в ближайшее время.

Притченко огорченно умолк, сетуя на руководителя, который не внял его опасениям.

– Мероприятия проводятся в русле патриотического воспитания. Наши поисковики обнаружили двести останков павших советских воинов. Мы устроим торжественное захоронение, и вам, Иван Митрофанович, следует присутствовать.

– Обязательно, – кивнул Плотников.

– Готовится шествие военно-патриотических объединений. Будут десантники, участвовавшие в Чеченских войнах и в Южноосетинском конфликте. Молодежные объединения, представители районов. Мне кажется, вам следует выступить с патриотической речью.

– Там будет речь о войне на Донбассе?

– Выступят ополченцы, воевавшие в Славинске.

– Я буду.

– Мы проведем шествие, в котором люди понесут фотографии своих родственников-фронтовиков. Если погребение останков станет актом поминовения, то шествие мы представим как крестный ход, где символически совершится воскрешение из мертвых, как на Пасху. Мне кажется, вы должны участвовать, нести портрет вашего погибшего деда.

– И двух его братьев, и бабушки. Все они воевали.

– И, наконец, в филармонии состоится концерт патриотических песен. Времен войны, на музыку Пахмутовой, по мотивам группы «Любэ». Мы пригласим кого-нибудь из кумиров патриотической общественности. Ищем кандидатуру. И на этом вечере прошу вас быть, Иван Митрофанович.

– Конечно, буду.

Они молчали. За окном струилось голубое шоссе, цвели холмы, сверкали бирюзовые озера и речки.

– Я очень вас ценю, Владимир Спартакович, – произнес Плотников. – Я в вас нуждаюсь.

– Я вам так обязан, – горячо отозвался Притченко. – Вы спасли мою репутацию. Вы мой благодетель.

– Не преувеличивайте, Владимир Спартакович. Вы прекрасный работник. Самый верный. Вы первый заметите в чьих-нибудь руках золотую табакерку, – засмеялся Плотников.

– Самый большой грех – это предательство благодетеля. Данте в своем «Аду» поместил такого предателя в самый центр преисподней, где его грызет Вельзевул.

– Не пожелаем кому-нибудь такой доли.

Летели цветущие луга и холмы, и среди них, как тени облаков, проплывали заводы. На указателях ведущих к ним шоссе-дорог были начертаны названия немецких, французских, японских компаний.

– Я хотел, Иван Митрофанович, предложить вам сделать краткую остановку. Здесь, неподалеку, существует удивительный храм и удивительный священник. Вам будет очень интересно.

– Нет, мне не интересно. Я тороплюсь. У меня впереди еще встреча, – с раздражением ответил Плотников. Он стремился к себе на дачу, где предстояло ему драгоценное свидание. Награда за изнурительный день.

– Может быть, помните, с этим священником, отцом Виктором, был связан скандал. Владыка Серафим хотел сместить его с прихода, чуть ли не отлучить от церкви. Да махнул рукой.

– Да, да, припоминаю. Какие-то иконы несуразные, обвинения в ереси. Не хочу, не интересно. Домой, домой!

Водитель, услышав понукающий возглас, нажал на газ, вокруг зашумело, быстрее замелькали цветущие луга и поляны. Плотников вдруг почувствовал едва различимый толчок, неслышный удар бокового ветра, который качнул машину, словно хотел ее направить по иному пути. Плотников угадал в этом легком толчке безымянную волю, которая уводила его с шоссе.

– Ну, ладно, давай заедем. Только быстро! – произнес он, удивляясь вторжению этой безымянной указующей воли.

Они свернули с трассы, проехали по узкому асфальту, достигли дубравы с синими тенистыми глубинами и солнечными вершинами. Остановились перед церковью, стоявшей на отшибе, вдали от невзрачной деревни, почти на опушке.

Церковь была сложена из черных бревен. Над жестяной двускатной крышей возвышалась малая главка, с синей линиялой луковкой и неказистым крестом. К торцу была пристроена острроверхая колокольня с проемами, в которых виднелись два колокола. Церковь была похожа на старинный корабль, потрепанный бурями. Он причалил к опушке и, когда отступили воды, осел на мели, покосившись и тихо сгнивая.

Навстречу Плотникову из маленькой, притулившейся тут же избушки вышел священник. Выцветшая, пепельного цвета ряса, сквозь которую проступало худое, почти тощее тело. Лицо, такое же пепельное, иссушенное, с впадинами щек, седой, негустой бородой. Волосы словно посыпаны золой, с залысинами. Будто весь он прошел сквозь неведомый огонь, испепеливший все живые цвета. И только глаза, серые, нестарые, а зоркие и внимательные, спокойно смотрели на Плотникова.

– Здравствуйте, отец Виктор. Это губернатор Иван Митрофанович, – произнес Притченко, – захотел посмотреть вашу церковь.

– Я знаю Ивана Митрофановича, – ответил священник и поклонился.

Плотников хотел было подойти под благословение, поцеловать руку с большими костистыми пальцами, но передумал.

– Прошу вас в храм. – Священник указал на темный, угрюмый короб.

Поднялись на косое крыльцо, перекрестились и оказались в таинственном благоухающем пространстве, в котором струилось тихое сияние. Из окон падали голубые лучи, в них, казалось, еще дышали сладкие дымы. В золотом иконостасе темнели иконы Спаса, Богородицы, Иоанна Крестителя. Застыли, воздев руки, апостолы и пророки. Плотников вначале устремил глаза на эти лики, перед которыми висели лампы с разноцветными кристалликами солнца. Но потом его изумленный взор побежал по стенам, где красовались иконы, изумляющие своими необычными изображениями.

На большой доске, золотисто-алой, была изображена Богоматерь Державная, окруженная Небесными Силами, – ангелами, херувимами. Под покровом розовых облаков возвышался Сталин в белом кителе генералиссимуса, с алмазной звездой. Вокруг, словно виноградная гроздь, теснились маршалы в парадных френчах, золотых погонах. К ногам Сталина были брошены знамена поверженных фашистских дивизий. Икона изображала триумф Победы.

Плотников удивленно смотрел. Глаза скользнули в сторону, и он увидел две другие иконы. На одной, серебристой, двигалось небесное воинство, – всадники с нимбами, витязи в алых плащах, острокрылые ангелы. А ниже, повторяя их порыв и стремление, катились по Красной площади броневики и танки, маршировала пехота, шли лыжники в белых халатах с автоматами на груди. На мавзолее, под рубиновыми звездами стоял Сталин, напутствуя войска. Это был парад сорок первого года, в серебряном отсвете осеннего неба, овеванный метелью. Вторая икона, алая, золотая, ликующая, изображала парад сорок пятого, Жуков на белом коне, Сталин на мавзолее, гвардейцы, кидающие на землю штандарты с крестами. И над всем – Богородица в окружении земных царей и райских праведников, витающих над парадом.

Плотников водил глазами, и повсюду, вспыхивая в лучах голубого солнца, сияли небывалые иконы. На досках, изумрудно-зеленых, медово-золотых, пурпурно-алых, наступали войска, горели танки, падали подбитые самолеты. И на каждой доске, вплетаясь в батальные сцены, возносились святые, сияли нимбы, струились ангельские плащи.

– Что это? – Плотников изумленно спросил священника, продолжая рассматривать на стенах иконы, до конца не понимая их содержания. – Разве Сталин святой? Жуков святой? Разве на иконах такое допустимо?

– Нет, они не святые. Их головы не окружены нимбами. Хотя, со временем и над их головами зажгутся нимбы. – Отец Виктор говорил тихо, с истовой убежденностью. Его серые глаза на изможденном лице переливались отражением чудесных икон.

Плотников чувствовал исходящую от икон волшебную силу. Они влекли к себе, манили в свое загадочное пространство, куда погружалась душа. Он шел в строю лыжников, неся на плече лыжи, и у соседнего автоматчика были темные усики, и при каждом шаге вздрагивали полные щеки. А на майском параде он опустил к брусчатке тяжелый штандарт с серебряным крестом и орлиным клювом и ждал своей очереди, чтобы шагнуть к мавзолею.

– Но ведь это противоречит канону. Не всякий будет молиться на такие иконы, – произнес Плотников.

– Великая Отечественная война – Священная. Победа – Священная. Роты, полки и армии священны. Все, кто командовал взводами, ротами, батальонами. Кто направлял в бой полки, корпуса и дивизии. Кто управлял армиями и фронтами – священны. Генералиссимус, полководец священной Красной армии, тоже священный. Все, каждый солдат, окружены святостью. – У отца Виктора зазвенел от волнения голос, и на пепельном лице, на скулах, проступил слабый румянец.

– Но как это соотносится со Священным Писанием? Может ли война быть священной? – Плотников сопротивлялся этому звенящему пророческому голосу, этой истовой убежденности, добытой священником в неведомых Плотникову размышлениях и молитвах.

– Эта война необычная. Эта война всех времен и народов. Не было и не будет такой войны, какую выиграл наш народ. Это Христова война.

– Где же в этой войне Христос?

– Он в Победе. Победа – это Христос.

Плотников понимал, что стоящий перед ним сухощавый священник исповедует вероучение, которое родилось не в кельях, скитах и церковных оградах, а в одинокой душе, пребывающей в вечных странствиях. Плотников смотрел на иконы, и перед каждой в вазе или кувшине стоял букетик полевых цветов, – ромашек, колокольчиков, васильков, собранных чьей-то любящей рукой.

На иконе изображалась Битва под Москвой. От кремлевских башен и стен стремились в атаку белоснежные лыжники, мчались стреляющие танки, чертили небо вихри катюш. Падали опрокинутые фашисты, и уродливо дымился подбитый немецкий танк. И в небе, среди реактивных трасс, летел огнедышащий ангел, сжимая пылающий меч.

– Ангел Московской битвы, – произнес отец Виктор.

На другой иконе был разрушенный Сталинград, похожий на клетчатую вафлю. Разбитый фонтан с танцующими пионерами. Синяя Волга с белыми всплесками взрывов. Неудержимый вал пехотинцев, вздымающих красное знамя. И темные комья немецких солдат, раздавленных неумолимой атакой. И над городом, над Волгой, среди горящих самолетов – Ангел в алом плаще с золотым разящим копьем.

– Ангел Сталинградской битвы, – сказал священник, и в голосе его послышался слабый перелив, как при чтении молитвы.

Плотников рассматривал иконы, и каждая источала силу, от которой сердце восторгалось, чудесные образы находили восхитительный отклик. Но что-то его останавливало, мешало молитвенным чувствам.

Здесь была икона Севастопольской битвы, белоснежный израненный город, лазурное море, и морская пехота, закусив ленточки бескозырок, бешено атакует, отшвыривая падающих врагов. Была икона Курской битвы, где танки со звездами и надписями «За Сталина!» таранили черные коробки с крестами. Была битва за Белоруссию, горящие деревни, вязнущая в болотах артиллерия, букеты цветов в руках освободителей Минска. Была великолепная солнечная икона Битвы за Берлин, где над куполом Рейхстага солдаты водружали Знамя Победы, и небо над их головами было подобно золотому нимбу. И везде, над наступающими войсками, в буре света летели победоносные ангелы.

– Но здесь, на иконах изображен Сталин. Разве он не повинен в разрушении храмов, в гонениях на церковь, в казнях священников? Может ли его изображение быть на иконе?

Отец Виктор страстно сжал губы, и в их синеватой бледности слабо зарозовело.

– Сталин действовал жестоко, он был грешник. Но он не был подобен царю Ироду. Ирод избивал вифлеемских младенцев и искал среди них Христа. Сталин избивал людей в поисках среди них Антихриста. Он запечатывал врата ада, открывшиеся в России поле свержения

царя, чтобы ад не наследовал землю. Война была сражением ада и рая. Сталин возглавил райское воинство и сокрушил ад. Христос был со Сталиным. Православная церковь многие годы молилась за Сталина. Она не может теперь отозвать назад своих молитв. Апостол Петр трижды предал Иисуса, и горько плакал об этом. Церковь не может уподобиться апостолу Петру в минуты его слабости.

Плотников не понимал до конца эти богословские смыслы. Он лишь чувствовал, что священник преисполнен знания, которое добыл не размышлениями, а каким-то иным, внутренним опытом. Сердцем, а не разумом. Отстаивает этот опыт истово и несокрушимо, готовый претерпеть гонения и, быть может, гибель.

– Многие отреклись от Сталина, отреклись от Победы. Но другие верны ему. Грех предательства самый страшный.

– Как вы правы, отец Виктор! – воскликнул Притченко. – Мы – народ-предатель! И нам гореть в аду!

– Мы – народ-победитель, – твердо поправил священник. – Из нашего народа исходили и продолжают исходить святые. Они оградят нас от ада.

Плотников продолжал созерцать иконы, висящие на стенах. Казалось, что в темном срубе отворились окна в иные дали. Из них изливается чудесный свет.

– Это мученики Священной войны, которые принесли во имя Победы Христову жертву. – Отец Виктор жарко перекрестился.

На иконе медового цвета, тонкая, как нежный стебель, стояла девушка в белой рубаше. Ее босые стопы касались табуретки, а над головой, с перекладки свешивалась веревка. Тонкая длинная шея была стянута петлей, волосы распустились до плеч, а большие глаза воздеты к небу, откуда на нее взирал Спаситель. Голова девушки была окружена золотым нимбом, и над ней пролетали ангелы.

– Зоя Козьмодемьянская, – произнес отец Виктор, поклонившись иконе.

Плотников чувствовал, как его влечет в это таинственное живое пространство, где совершается мученичество и ужасная смерть преобразуется в святое бессмертие. Если он ступит в медовое пространство иконы, он окажется в мокром снегопаде, среди солдат, окруженный тихими всхлипами деревенской толпы. Увидит близко от глаз голые девичьи ноги в синяках и царапинах. Сквозь растерзанную рубашу выступает маленькая девичья грудь. Небритое лицо немецкого офицера, дымящего сигаретой. И когда замызганный сапог выбивает из-под девичьих ног табуретку, разверзается осеннее небо. Из грома и молнии вырывается огненный луч, окружает девичью голову золотым венцом.

Плотников пугался этой влекущей силы. Пугался переступить деревянный порог иконы. Пугался чуда, в которое должен уверовать, уйти в медовую глубину иконы и уже не вернуться назад.

– Двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев. – Отец Виктор подвел Плотникова к соседней иконе.

На снежном поле горели танки с крестами. В длинном окопе засели гвардейцы в белых полушубках и шапках-ушанках. Они били по танкам из пушек и противотанковых ружей, кидали в них связки гранат. Некоторые гвардейцы уже лежали убитыми, у других были перевязаны головы, третьи, обвязавшись гранатами, ползли навстречу танкам. У всех, живых и мертвых, над головами сияли нимбы. Христос в развеянном алом одеянии бежал по полю, замахнувшись гранатой, поднимал из окопа солдат. И те, невзирая на раны, бежали в атаку за красным, как знамя, одеянием.

– Разве возможно такое? – Плотников чувствовал, как кружится у него голова.

– Христос был с ними. Все они приносили Христову жертву. Христос вел их на подвиг, укреплял сердца, закрывал убитым глаза.

Плотникова влекло в это снежное поле, где летала поземка, лязгали пушки. Горящий танкист вываливался из подбитого танка, валялся спиной в сугробе. Гвардеец, воздев пистолет, бежал за Христом, по следам его босых ног, по кровавой тропе, красной, как вишневый сок.

Неведомая властная сила увлекала Плотникова в эту снежную даль, где его подхватит загадочный вихрь, и он обвесит себя гранатами и побежит навстречу черному танку с мерцающим огоньком пулемета. Он закрыл глаза и шагнул к иконе, но пугливый перебой сердца остановил его, и он очнулся.

Казалось, отец Виктор заметил его борение.

– Все они святые, со всеми был Христос. Он поднимал их в атаку, вел на таран самолет или танк, стонал под пыткой в застенке, умирал от ран в лазарете. Все они – воинство Христово, все тридцать миллионов погибших, и с каждым был Христос. Во время войны Христос приходил на землю и был среди наших воинов. Это и было Второе пришествие, – пришествие в ряды Красной армии, которая превратилась в церковь воинствующую. Красной армией руководил сам Спаситель и привел ее к священной Победе.

Плотников заворуженно смотрел. Летчик Талалихин с золотым венцом на голове вел на таран истребитель, и впереди, обгоняя блестящий пропеллер, летел Христос. Летчик Гастелло направлял горящий штурмовик на колонну немецких танков. Рядом с ним за штурвалом сидел Христос, и на головах у обоих были золотые венцы. Мученики «Молодой гвардии», истерзанные пытками, шли на казнь, среди них, весь в кровавых ранах, шествовал Христос. И все они, в золотых нимбах, напоминали зажженные свечи.

– Сонм новомучеников, погибших за Христа во время церковных гонений, молился на небесах о Священной Победе, о сбережении Государства Российского. Мученики Священной войны после гибели красной страны молятся на небесах о сбережении Государства Российского. Подхватили падающее государство и перенесли его через пропасть. Они молятся о нас и теперь. Когда на страну навалится тьма, когда оно будет готово упасть, святомученики Священной войны отгонят тьму, озарят Россию своими нимбами.

Плотников зачарованно слушал. Бревенчатая церковь была кораблем, который плыл по цветущим лугам, вдоль дубовых опушек, по бескрайнему морю русского времени. В ковчеге, окруженная священными стражами, сберегалась тайна русской судьбы, вещая доля России. И он, Плотников, был причастен к этой божественной тайне, к загадочной русской судьбе, которая сулила ему невыносимые муки, обещала несказанное блаженство.

– Генерал Карбышев, святомученик, – произнес отец Виктор, указывая на икону. В ледяном серебристом сверкании стоял генерал, голый, с резкими ребрами, сложив на груди руки крестом. На него сверху, черно-синяя и жестокая, изливалась вода. Но, касаясь его головы, проливаясь сквозь нимб, вода превращалась в алмазный поток, в серебряное море, по которому, шагая по волнам, приближался Христос.

– Хотите, я вас исповедую, Иван Митрофанович? – неожиданно произнес священник. – Перед этой иконой.

– Я не готов, отец Виктор. – Плотникова испугало это внезапное предложение. – Я к вам случайно заехал.

– Ничего не бывает случайного. Наклоните голову, я вас исповедую.

Плотников, повинувшись спокойному властному голосу, наклонил голову, почти касаясь креста на груди священника. Тот положил ему на темя сухую костистую руку. Вице-губернатор Притченко деликатно отошел.

– В чем ваши грехи?

Плотникову было неловко стоять, склонив голову. Этот худой, с провалами щек старик вдруг обнаружил свою власть над ним. Он повиновался этой настойчивой воле. У него были грехи, но он не думал о них как о грехах, а только как о мучительных, притаившихся в душе проступках, которые со временем забудутся. Его вина перед женой, которую затмила прелесть

ная, обожаемая возлюбленная. Это раздвоение причиняло страдание, он был вынужден лгать жене. Он смотрел сквозь пальцы на уложения государственной власти, в которых было много несправедливости и неправды. Вспышки раздражения и гнева по отношению к подчиненным, которых он обижал, забыв извиниться, и те не смели ему возразить, молча переживая обиды. Все это копилось в нем, смутно волновало и огорчало, но не было времени и умения погрузиться в свои душевные переживания и освободиться от их тайного гнета.

– Вспомните, Иван Митрофанович, свой грех, пусть самый малый, давнишний, – побуждал его отец Виктор. И Плотников, отстраняясь от нынешних, тревожащих душу проступков, вдруг вспомнил давнишний, почти позабытый случай, который нет-нет да и всплывал в памяти, причинял незабытую муку.

– Есть грех, отец Виктор. Может быть, грех, или просто дурь молодости.

– Говорите.

– В школе, в классе, учился у нас один паренек, еврейский мальчик по фамилии Зильберштейн. Зиля – мы так его звали. Очень талантливый, как многие еврейские дети, но такой щуплый, болезненный, не выговаривал «р», не умел бегать, прыгать. И всякий из нас над ним издевался. Старался его ущипнуть, толкнуть, сыграть какую-нибудь шутку. Зиля страдал, подлизывался к нам, давал списывать диктанты и сочинения, решал за нас математические задачки. Но его продолжали мучить, без злобы, а просто для забавы. Однажды на физкультуре нам предложили одолеть полосу препятствий. Преодолеть ров, пробежаться по бревну, перепрыгнуть барьер. Все, кто как, выполнили упражнение. А Зиля испугался. «Не могу! Боюсь!» Учитель физкультуры и так, и сяк. Ни в какую. «Тебе, Зильберштейн, надо брать уроки храбрости. Если будет война, ты побежишь сдаваться». И вот мы решили преподать Зиле урок храбрости. «Зиля, – сказал я ему, – пойдем в класс, я у тебя спишу сочинение». Школа у нас была четырехэтажная, и класс наш был на четвертом этаже. Пришли в класс, он достает и протягивает мне тетрадку. В это время прибежали наши парни, набросились на Зилу, повалили. Он отбивался, кричал: «Пустите! Пожалуйста, пустите!» Ему связали ноги веревкой, открыли окно и вытолкали головой вниз. Он повис на веревке, крича от ужаса. Мы подтягивали вверх веревку, а потом отпускали, он падал, и перед самой землей веревка натягивалась, и он дергался на ней и кричал. И вдруг умолк. Молча висел, как висельник. Мы испугались, вытащили обратно, развязали веревку. Он был без сознания, весь синий. Мы отпаивали его водой, делали массаж груди. Он очнулся. Мы хотели его развеселить. Он молча ушел, понунив голову. И пропал. Говорили, мать увезла его из нашего города, и больше я его не видел. И все эти годы, когда вспоминаю, мне становится стыдно. Зиля хотел мне сделать добро, дал списать сочинение, а я, вместо благодарности, скрутил его веревкой и вывесил из окна вниз головой. Слушал, как он ужасно кричит. Это и есть мой грех.

Плотников умолк, испытывав жжение в горле, словно сделал едкий глоток.

Все это время рука священника лежала на голове Плотникова. Он почувствовал, как твердые пальцы отца Виктора трижды ударили его в темя.

– Вы исповедовались, Иван Митрофанович, перед иконой генерала Карбышева. Теперь духовно связаны с этой иконой.

Плотников смотрел на икону. В серебряном сиянии стоял голый, с резкими ребрами человек, скрестив на груди руки. На него проливался черно-синий смертельный поток, превращаясь в алмазные струи. И эта икона, как окно в иное, волшебное пространство, влекла Плотникова.

Подхваченный вихрем, он вошел в икону. Встал рядом с Карбышевым. На него хлынул страшный ледяной поток, от которого остановилось сердце. Он превратился в ледяную прозрачную глыбу, сквозь которую видел отца Виктора, Притченко, туманно озаренную церковь. Лед хрустнул, раскололся, и он выпал из ледяной глыбы на руки Притченко.

– Вам плохо, Иван Митрофанович? – испуганно спрашивал Притченко.

– Нет, нет, ничего, – слабо ответил Плотников, чувствуя, как болят обмороженные ребра. Они покидали церковь. Солнце слепило глаза. Бревенчатый короб был похож на старый амбар. Отец Виктор провожал их к машине.

– Когда вам будет невыносимо, Иван Митрофанович, помолитесь генералу Карбышеву, и он вас спасет. Ангела Хранителя!

Машина мчалась по вечернему шоссе. Плотников взглянул на часы и увидел, что они покрыты корочкой льда. Лед таял, холодная струйка сбегала в рукав.

Глава 4

Они доехали до кольцевой дороги, окружавшей губернскую столицу. Не въезжая в город, направились к заповедному озеру, на берегу которого Плотников выстроил дачу. Огражденная высоким забором, с воротами, охранником и камерами наблюдения, дача была давнишней мечтой, исполнение которой Плотников позволил себе только теперь, после нескольких лет пребывания в губернаторах.

Выходя из машины, Плотников приказал шоферу:

– Отвезешь Владимира Спартаковича, заберешь Валерию Петровну и вернешься сюда. А вы, Владимир Спартакович, готовьте заседание правительства. Выносим вопрос о деревообрабатывающем заводе в районе Копалкино. Реконструкция поселка и инфраструктуры.

– Будет сделано, Иван Митрофанович. Ох уж эти мне копалкинские! К ним без бронжилета лучше не соваться.

Машина с вице-губернатором скользнула и исчезла в аллее.

Валерия Петровна Зазнобина, Лера, была отрадой Плотникова. Преподавала в педагогическом университете русскую литературу. Была обожаема Плотниковым. Молодая, чудная женщина одарила его своей свежей и светлой женственностью. Своим преданным служением. Своей чуткой проницательностью, с которой угадывала его тайные тревоги, честолюбивые стремления, невысказанные мечтания. Он звал ее Зазнобушка. Она заслонила от него жену, постаревшую, потускневшую, хворую. Жена пребывала в вечном недовольстве и унынии, которые были для него бременем среди утомительных трудов и забот. Жалость к жене, чувство вины перед ней лишь усиливали его отчуждение, теснее сближали с Лерой.

Теперь, после утомительной дороги, он оказался на своей великолепной даче, которую строил с привередливой тщательностью. Вознаграждал себя за многолетние телесные и духовные траты. Поджидал свою милую, расхаживая по даче, вдыхая чистые и свежие запахи еще необжитого поместья.

В гостиной сквозь широкие окна и стеклянную балконную дверь сияло близкое озеро с тонкой серебряной полосой, которую оставила далекая лодка. Перед балконом цвели розы. Высокие клены и дубы обступали аллею, ведущую к воде. На стене висела картина, изображавшая женщину, похожую на перламутровую раковину. На стекле, среди шелковых занавесок, бесшумно трепетала бабочка. Должно быть, залетела, когда они с Лерой стояли на открытом балконе, любуясь озером. Плотников, испытывая нежность, открыл окно и выпустил бабочку.

В столовой буфет переливался дорогим фарфором и хрусталем. На столе стояли два бокала, полные солнца, и два серебряных витых подсвечника с белыми, нетронутыми свечами. Плотников зажег обе свечи, воображая, как они с Лерой в новогоднюю ночь будут сидеть перед горящими свечами, протягивая друг другу бокалы. Картина с фарфоровой миской, полной малины, была так хороша, что казалось, в столовой витает аромат сочных, перезрелых на солнце ягод. Плотников потушил свечи, тронув пальцами мякоть воска.

Кабинет был отделан красным дубом. На столе глянцеvито темнел компьютер. На книжной полке, не заполняя всего пространства, стояли книги. Одна, на английском, посвященная реформам в Сингапуре, лежала плашмя, с кисточкой закладки. Плотников зажег висящий под потолком плоский светильник, состоящий из разноцветных стекол, среди которых угадывались прозрачные стрекозы и цветы. Смотрел на свой портрет, выполненный известным московским художником. Жесткий, цепкий взгляд. Волевые складки лица. Таинственные, летящие над головой мерцающие миры.

В спальне на широкой кровати с резными спинками поверх полосатого покрывала лежала подушка, шитая серебром. Он поднес подушку к лицу, улавливая притаившийся в ней запах духов. Лера положила подушку на голую грудь, и теперь она пахла ее духами.

Крытый бассейн напоминал голубой слиток. На дне, словно замороженный в голубой лед, был изображен дельфин. Плотников наклонился, тронул воду рукой. Бассейн слабо дрогнул, колыхнулся, и казалось, дельфин зашевелил своими плавниками и хвостом.

Предвкушая свидание с милой, Плотников обошел дом. Услышал, как шуршит перед крыльцом гравий. Из машины вышла Лера, улыбаясь, зная, что он из-за шторы видит ее. Машина исчезла, и она стояла, улыбаясь, не входя в дом, ожидая, когда он выйдет.

Он вышел на крыльцо сквозь стеклянную дверь и счастливо замер. Она стояла, белолицая, с золотистыми волосами на прямой пробор, высокой шеей и голыми плечами, на которых слабо держались фиолетовые дужки вольного, до самой земли сарафана. Ему казалось, она окружена прозрачным свечением. Ее чудесное, с едва выступающими скулами лицо. Обнаженные, с солнечным отливом плечи. Розовые мочки маленьких прелестных ушей, сквозь которые просвечивало солнце. Все ее высокое стройное тело, спрятанное в лиловую ткань сарафана. Плотников, не спускаясь к ней, радостно выхватил ее взором из зеленых кленов, из кустов красных роз, из бирюзового озера, над которым стояла недвижная туча с оплавленной кромкой. Сбежал по ступенькам и целовал смеющиеся сладкие губы, плечо, крохотные бриллианты в ушах.

– Ты моя прелесть! Моя Зазнобушка!

– Думаю о тебе каждую минуту. А вдруг не позвонишь? Вдруг не позовешь?

– Колесил по дорогам. Люди, встречи, ссоры, заботы. И думал, когда же наконец вечер?

Когда увижу тебя?

– Ну, вот и увидел.

– Ужин готов. Прошу к столу.

– А что, если перед ужином пойти к озеру? Искупаться? Такое у тебя чудесное озеро.

– Это твое озеро. И твои клены. И твои розы.

– И ты мой?

– И я.

Они пошли от дома к озеру, с белесым песчаным берегом и купами осоки. Озеро было нежно-голубое, с серебряной полосой и темно-лиловой далью, над которой застыла туча. Лера сбросила босоножки, повела плечами. Фиолетовый сарафан упал, и она переступила его, поднимая белые ноги. Не оглядываясь на Плотникова, пошла к воде, ступая по песку. Шагнула в озеро, медленно погружаясь, двигая лопатками. И он жадно, восхищенно смотрел, как гибко изгибается ложбина ее спины и бегут от ее бедер тихие волны. Озеро наполнялось ее женственностью и, казалось, радостно дышало, обнимая ее. Он вдруг испытал неизъяснимую нежность, мучительное обожание, словно время остановилось, и это мгновение запечатлелось в нем навсегда. Озеро с серебряной полосой. Огромная туча. Лиловый, брошенный на песок сарафан. И она, белая, чудесная, стоит по пояс в воде, окруженная водяными кругами.

Она легла на грудь и поплыла, бесшумно, мягко, оставляя след, как плавают выдры. Он видел, как потемнели от воды ее волосы и что-то слабо сверкает, то ли солнечные капли, то ли крохотные бриллианты.

Он разделся. Вода была бархатной, теплой. Стопы чувствовали замшевый песок. Бросились врассыпную мальки, зеленовато-голубые, с золотыми глазами. Голубая стрекозка закружилась над ним, собираясь сесть на плечо, но испугалась и улетела в осоку. Он зашел по грудь и стоял, глядя, как она повернулась и плывет к нему. Ее глаза над водой. Поднятые брови. Губы, которыми она сдувала набегавшую волну. Подплыла и встала, звонко сбрасывая с плеч воду, сияющая, восхитительная, и он обнял ее, чувствуя мягкие груди, колени, дышащий живот.

– Как ты прекрасна, – сказал он, целуя ее стеклянные плечи, чувствуя, как пахнет она свежим озером, словно водяная кувшинка.

– Я знала, ты смотрел на меня, когда я шла к озеру.

– Хотел тебя навсегда запомнить.

– Пусть озеро нас запомнит.

Застрекотал мотор, из-за мыса выскользнула лодка, помчалась мимо, задирая острый нос, разрезая воду. И они ждали, когда волна докатится до них и плеснет.

Они возвращались в дом. Ее сарафан потемнел на животе, и к нему пристали песчинки, как солнечные искры.

В столовой он с нежностью и веселым вниманием смотрел, как Лера хозяйничает, уже зная, где хранятся в буфете тарелки, столовые приборы. Угощала его ломтями мяса, успевшего остыть, молодой картошкой. На белых клубнях, как крохотные птичьи следы, прилипли зеленые травинки укропа. Рассекла сочный алый помидор, наполненный золотистыми семенами. Резала длинными долями хрустящие огурцы.

– Настоящая летняя трапеза. Вкуснее любых ресторанов, – хвалил он ее, наливая в бокалы вино. – За тебя, моя хозяйшечка!

– Ты в следующий раз закажи мне обед. Сама тебе приготовлю.

– Грибной суп из белых грибов. Уже появились на рынке.

– Приготовлю, мастерица варить грибные супы.

– Цветную капусту полей яйцом и зажарь.

– Пальчики оближешь. А еще испеку тебе пирожки, всякие пышки, пампушки. Ты еще не знаешь, какая я кулинарка. Ты приезжаешь домой, а обед готов.

Она посмотрела на него и испуганно замолчала. И этот испуг на мгновение передался ему. С ее появлением его прежний мир стал шататься, путаться, и он боялся думать, что станет с его миром, с его домом, с женой и сыном, когда у него не хватит сил утаивать свои свидания, утаивать свою любовь.

– За тебя, мой милый. – Она протянула бокал с вином. В глазах ее была тайная печаль, отражение серебряного озера и фиолетовой тучи, уже накрывшей далекие берега.

Он взял ее за руку и повел из-за стола. Она шла потупясь, почти неохотно, словно между ней и им возникло отчуждение. И он хотел его преодолеть, извлечь темную чужую частицу, залетевшую в их светящуюся близость.

На полосатом покрывале лежала подушка, расшитая сингапурскими мастерицами. Он обнял ее плечи. Сарафан скользнул на пол, и она в своей белизне стояла, наступив на фиолетовый ворox.

Она не поворачивалась к нему. В ее неподвижности была печальная покорность. И это безропотное повиновение причиняло ему боль.

Он прикоснулся губами к ее волосам, еще влажным от недавнего купания, к ее затылку. Губы чувствовали тихое, струящееся в ней тепло, чуть слышные биения. Ее жизнь, ее женственность, ее любимая душа принадлежали ему, и он осторожно целовал ее шею с пульсирующей жилкой, мочку уха с мерцающим камушком, прохладное плечо. Каждым поцелуем вдыхал в нее свою нежность, стараясь расколдовать ее, растопить ее печальную неподвижность. Медленно опускался, скользя губами по ложбинке спины, целуя ее бедра, ее прохладные ноги. И она отзывалась на прикосновение его губ, тихо вздыхала, чуть слышно вздрагивала. Обернулась к нему, глядя сверху вниз дрожащими, в жадном блеске глазами.

– Иди ко мне!

Ему казалось, что их завернула в себя безумная волна, слепящий водоворот, который их перевертывал, метал из стороны в сторону, топил. Не давал дышать, не давал кричать, уносил в свою бездонную глубь.

Ее огромные, дрожащие, глядящие мимо глаза. Ее губы в бессвязном лепете, с капелькой крови, оставленной его поцелуем. Ее зубы, которыми она хватает его пальцы и больно сжимает.

Из глубины, куда он падал, навстречу поднималось розовое пятно, размытое свечение, словно там находилось подводное светило. Оно приближалось, дрожало, он торопил его при-

ближение. И слепящая вспышка, мучительный стон, смертельная сладость. Птичье оперение стеклянно блеснуло. Птица, охваченная огнем, исчезла в слепящем жерле.

Плотников лежал отрешенно, закрыв глаза. Почувствовал лицом слабое тепло. Сквозь закрытые веки угадал ее руку, которую она, не касаясь, приблизила к его лицу. Поймал ее пальцы, прижал к губам.

– Люблю тебя, – сказала она.

– Ты моя любушка, Зазнобушка.

Лежали, прижавшись голыми плечами. В окне потемнело. Туча пришла и встала над домом. Было видно, как отяжелела листва деревьев, наполнилась сумраком аллея.

– Думаю о тебе каждую секунду, – сказала она. – Подумаю и начну улыбаться. Иду по улице и начинаю смеяться. Прохожие спрашивают: «Почему вы смеетесь?» Но разве им скажешь, что все во мне ликует от любви к тебе. У меня галлюцинации. Слышу твой голос. Вижу твои брови и губы. Я не думала, что так можно любить. Я не девушка-студентка, но то, что случилось со мной теперь, – это небывалое чудо. Ты наградил меня этим чудом. Может, ты меня околдовал? Ты колдун?

– Ты же видишь, что я колдун. Кинул в вино приворотное зелье.

– Мое последнее увлечение, – оно прошло, и все во мне погасло. И хорошо, и тихо. Дом, университет, любимые лекции. Я думала, так будет теперь всегда. И вдруг появился ты, на выпускном вечере. Подошел, поздравил. Не помню твоих слов, но твои глаза, сияющие, полные света, посмотрели на меня, и я пропала. Я и теперь пропадаю!

Он прижимал к губам ее пальцы. Ее женственность окружала его. Она лелеяла, находила в нем то, чего он не знал о себе. Он был счастлив и горд тем, что эта молодая прелестная женщина наделяет его красотой, которой он в себе не видел. Благородством, о котором никогда не задумывался. Добротой, которая не ценилась и не замечалась другими. Она возвышала его, приписывала идеальные свойства.

– Я ждал, когда кончится этот день и я увижу тебя. Люди, люди, бесконечные встречи, заботы, ухищрения. Терпеливые уговоры. Утомительные ожидания. Столкновения, неудачи. Вся моя жизнь в этом. И в итоге еще один завод, еще одна дорога, еще один конвейер. Но вот все это отлетает, и я с тобой. Понимаю, что мне ничего не надо, кроме твоих чудесных любимых пальцев, твоих близких волос, которые ты намочила в озере, твоей родинки на плече.

Стекла в окне тихо задрожали и зазвенели. На них давил поднявшийся ветер. И этот слабый перезвон казался откликом на его слова. Словно кто-то невидимый пробивался к ним из сада, хотел что-то добавить к его словам. Что-то важное, о чем он забыл сказать.

– У меня была встреча. В городке Копалкино. Запустение, грязь, бедность. Туда еще не дошли мои нововведения. Я рассказывал людям, какие их ждут перемены, блага. Думал, обрадую их, услышу слова благодарности. Но встретил лютую злобу, тупое неприятие. Один из них, Семка Лебедь, чуть меня не зарезал. Его глаза сверкнули ненавистью, необъяснимой, глубинной, словно из него бил какой-то древний отравленный ключ. Он мстил за какую-то старинную, нанесенную его предкам обиду. И я испугался. Мне показалась бессмысленной моя деятельность, мои благие мечты, если в народе, которому я несу это благо, клокочет лютая ненависть. Эта ненависть снова разрушит все великолепные заводы, сожжет все дворцы, разорит все библиотеки и храмы. И над пепелищами будет слышен истошный вой, тот, который я слышал в Копалкине. Где я не прав? Что делаю не так?

Он обратился к ней в минуту слабости и духовной тщеты. Никто никогда не слышал от него похожих признаний, а только упорные, подобные проповедям утверждения. Но теперь, среди тихого дребезжания окон, в краткие, оставшиеся до ливня минуты, он искал ее сочувствия. Ему хотелось открыться в своей немощи и найти утешение.

– Ты все делаешь правильно, милый! Ты неутомимый, могучий. От тебя веет силой, добром. Вокруг тебя расцветают люди, начинают верить неверующие, радоваться унывающие. Ты

строитель, художник, творец. Преображаешь землю, несешь благую весть. Ты русский подвижник, русский герой. Не вижу равных тебе. Тебя породила многострадальная Россия, чтобы ты исцелил ее, разбудил дремлющий печальный народ, снова повел его на великие свершения. За это тебя люблю! Молюсь за тебя!

В комнате был сумрак приплывшей из-за озера тучи, но Плотников лежал, окруженный тончайшим светом, в который она его поместила.

– Я чувствую тебя каждой клеточкой, каждой жилкой! Угадываю твои мысли. Вижу твой путь. Он могучий, высокий. Тебя ждут великие испытания, великая судьба. У тебя призвание, для которого потребуются непочатые силы, твердость, прозорливость. На тебя ополчатся враги и завистники, но ты не сдашься, потому что за тебя, еще не зная о тебе, молятся в церквях. И я за тебя ставлю свечи. Я буду тебе служить, буду ловить твои слова и взгляды, буду заслонять тебя от тьмы. Но если я почувствую, что мешаю тебе, что я тебе в бремя, я уйду. Одного твоего взгляда довольно. Уйду и стану издалека о тебе молиться!

– Не пушу, никуда не пушу! Ты моя Зазнобушка, милая!

Он вдруг подумал, что нашел женщину, с которой начнется для него новая жизнь, с которой у него драгоценные совпадения в каждом слове и чувстве. От нее исходит одно благо, одна дивная сладость. А от прежней жизни, от тусклых воспоминаний, досадных огрехов и ошибок больше ничего не осталось.

Плотников испугался этой мысли, вслед за которой последует страшный и мучительный оползень, сметающий его бытие. Опечаленное, несчастное лицо жены, беспомощной в своем увядании. Верящие, полные света глаза сына, для которого отец был безупречен. Плотникова охватила паника, и он убежал от этой мысли. Мысль еще гналась за ним, как оса, и постепенно отстала.

Лера не заметила его мгновенного помрачения.

– Ты рассказал об этом Семке Лебедю, о его ненависти. Иногда кажется, что в народе живет зверь, косматое чудище. Да и как не жить! Столько обид, насилий, обмана! Столько во все века мучений! Но найдется сердце, которое его полюбит. Найдется душа, которая увидит в нем Божье творение. И этот Семка Лебедь, если его полюбить, если в него поверить, преобразится. Ответит добром и любовью.

Окно перестало звенеть, словно кто-то, витающий среди потемнелых деревьев, стих, притаился. Она увлеченно продолжала:

– Русские люди знают о мире такое, чего не знают другие народы, мудрые, образованные, многоопытные. Я читаю русских писателей, русских поэтов. Это непрерывная проповедь добра, справедливости. Непрерывная молитва о спасении всего рода людского, всего живого. И цветка, и птицы, и звезды небесной. Наш русский язык обладает такими волшебными свойствами, такой музыкой, таким таинственным трепетом, что удастся назвать невыразимое, ощутить недоступное, понять непостижимое. Русский язык, как рыбакам сети, вылавливает из мироздания истины, которые таятся там, безымянные и неуловимые. Оттого русские такие душевные, наивные, верящие, сочувствующие всему живому, жертвенные и неодолимые. Твой Семка Лебедь такой же, только он много страдал. Я буду о нем молиться.

В стекло ударил ветер, со звоном растворил окно, ворвался холодной силой. Занавески взлетели и стали метаться, как две танцовщицы в прозрачных рубахах.

– Сейчас будет гроза, – сказал он, вставая. Вышел на балкон, охваченный свежестью, шумом, запахами неба, листвы и озера. Далекая вода казалась фиолетово-черной. Туча выбрасывала из себя косматые клубы, словно строила одну за другой башни и тут же их валила к земле. Деревья бушевали, выворачивались наизнанку, словно боролись между собой зеленые великаны, напрягая тугие спины. Розы в сумраке светились огненно-красные. На перилах балкона лежали забытые садовые ножницы.

В голые плечи Плотникова ударили холодные капли. Лера вышла и встала рядом, и оба они смотрели на бушующие деревья и красные розы.

Дождь приближался от озера. Заволок аллею туманом, скрывая берег. Зашумел в отдаленных деревьях, укрощая их бурное колыхание. Надвинулся шумом, тусклым блеском. Наполнил деревья литой тяжестью, от которой те замерли, переполнились водой, как огромные зеленые лохани. И ударил ливень, всей мощью, оглушающим шумом, хлюпающими струями, от которых на земле вскипели ручьи, запузырились лужи, заблестела трава. В деревьях открылись зеленые гулкие водостоки, из которых хлестала вода. Розы, как флаконы, отяжелели, согнулись и горели, качались в дожде.

– Как прекрасно! – сказала она, прижимаясь к нему. На балкон залетали холодные брызги, но они не уходили. В туче хрустнуло, гроыхнуло. Провернулось в черной глазнице ртутное око. Гул покатился, удалялся, словно рокотали сердитые басы.

Плотников испытал мгновение восторга, юношеской удали, бесшабашной свободы. Схватил садовые ножницы, перемахнул перила балкона и помчался, скользя по лужам, сквозь ледяные водопады, подставляя голову под зеленые водостоки. Подбежал к кустам роз. Срезал темно-красный тяжелый цветок и вернулся на балкон. Преподнес розу Лере. Счастливые, без одежды, как в первые дни творения, стояли в блеске дождя. И она касалась губами розы.

Глава 5

Плотников возвращался в свою губернскую столицу, когда начинало темнеть. На въезде в город, где еще недавно тянулось болото и запущенный пустырь, теперь возвышались странные сооружения. Среди них угадывалась Спасская башня, мечеть с минаретами, английский Биг-Бен, американская статуя Свободы. Строения празднично озарялись, над ними пробегали разноцветные сполохи, взлетали шутихи. Там шел праздник, и Плотников порадовался этому многоцветному веселью, которое бушевало на месте недавнего пустыря. Странные сооружения были воздвигнуты по прихоти заезжего миллиардера Головинского, с которым Плотников все еще не был знаком. И это было упущением.

Городской центр, где жил губернатор, туманился фонарями после прошедшего ливня. Центральная улица сберегла множество ампирных особняков, великолепных колоннад, торговых подворий. Радениями реставраторов они превратили центр города в заповедник. Деревья вдоль тротуаров были оплетены хрустальными гирляндами, словно их усыпали бриллианты. Вечерняя молодая толпа празднично двигалась среди стеклянных деревьев, оседая в кафе, усаживаясь прямо на воздухе под влажными от дождя балдахинами. Льдистым потоком струились автомобили, и фары, полные белого огня, столбами отражались в мокром асфальте. Улица выходила к озеру, вокруг которого зеленел парк, играла музыка, крутилось колесо обозрения с огненными спицами. Вычерпывала из листвы разноцветные люльки. Через озеро, продолжая улицу, вел пешеходный мост, уставленный фонарями, которые опрокидывались в воду золотыми веретенами.

Плотникова радовала красота губернской столицы, которую он украшал, как украшают витрину. Его новый фешенебельный дом находился в глубине квартала, заслоненный арками и колоннами старых торговых рядов. Теперь в них размещались дорогие бутики, были выставлены французские и итальянские костюмы, на черном сафьяне мерцали бриллианты. Дом губернатора охранялся, гостеприимно растворились ворота, постовой в полицейской форме отдал честь.

Жена Валентина Григорьевна, Валя, встретила его рассеянным взглядом в гостиную. Она сидела в кожаном кресле, среди нарядного убранства, которое сама подбирала, радуясь новой великолепной квартире. Теперь же, в темном домашнем платье, небрежно облекавшем расплывшееся тело, она выглядела усталой и тусклой. Глаза не вспыхнули, как бывало, при появлении мужа. Плотников, боясь с ней встретиться взглядом, от порога стал говорить:

– Как я устал, Валя! Какой тяжелый сумбурный день! Наш сталеплавильный магнат Ступин, задержка с пуском трубопрокатного цеха. А ведь это президентский проект. И еще это Копалкино, ну ты знаешь, там раньше был совхоз-миллионер. Теперь Закопалкино, люди совсем одичали. И еще один священник блаженный, отец Виктор, Сталина хочет сделать святым. Но я в этом мало что понимаю. Это по твоей части. Люди, люди, от них устаешь ужасно!

Он говорил торопливо, не глядя ей в глаза. Мучился оттого, что фальшивил. Раздражался, но не на себя, а на нее. Она вынуждала его лгать, заставляла мучиться. В этом была ее вина перед ним. Он ловил себя на этой двойной неправде, и это увеличивало раздражение.

– Ты голоден? Ужин готов, – сказала жена.

– Да нет, десять обедов на день. Всякий хочет за стол посадить. Какой уж там ужин!

Жена была рассеянна. Казалось, к чему-то прислушивалась в себе самой. Не улавливала в словах мужа фальши. И Плотников успокоился. Ждал, когда сможет пожелать жене «спокойной ночи» и отправиться спать в кабинет.

– Клавдия Константиновна звонила, просила помочь. У нее дачный участок хотят забрать, будто бы он не оформлен. – Жена произнесла это тихо, вяло, глядя куда-то мимо Плотникова.

– Помогу, – сухо ответил Плотников. – Все твои подруги о чем-то просят. Пусть обратится к Притченко, я распоряжусь.

– Еще Роза Яковлевна Зактрегер, директор музыкальной школы, просила, чтобы дали денег на ремонт классов. От потолка штукатурка отваливается.

– Да ведь я же ее принимал! К сентябрю сдаем новую музыкальную школу, в которую выписали из Германии небольшой орган. Пусть потерпит до сентября и не сажает детей под аварийный потолок!

– Еще поймал меня на улице Лаптев. Просил посодействовать. Чтобы ты выделил ему под жилую застройку участки за озером. Хочет построить элитное жилье для иностранных специалистов. – Жена передавала эти просьбы, к которым Плотников привык. Люди использовали жену, ее доверчивость и отзывчивость, для достижения своих материальных нужд.

– Лаптев, говоришь? Лакомый кусочек отхватить хочет! Пусть освоит пустыри на болотах!осушит, проведет дорогу, водопровод, газ и там строит свое элитное жилье! Губерния не станет оплачивать из своего кармана его фантазии! И прошу тебя, Валя, отсылай ты их всех ко мне, в порядке живой очереди! – Плотников сердился, но одновременно был рад тому, что жена не заметила его фальши. – Давай почивать!

Тихо, в туманной сладости, проплыло озеро с серебряной полосой от лодки. Деревья под ветром, похожие на огромных бушующих борцов. Роза, отяжелевшая от дождя. Хотелось уйти в кабинет и там, в темноте, засыпая, еще раз пережить восхитительные мгновения, увидеть обожаемое лицо.

– Ты знаешь, Ваня, мне снился такой странный сон. Будто я подхожу к колодцу и хочу достать воды. Но не нахожу рукоятку от ворота, чтобы поднять ведро. Ищу, мучаюсь и, наконец, нахожу. Начинаю крутить, цепь наматывается, а ведро не появляется. Я изнемогаю, но кручу из последних сил. И вдруг появляется ведро, помнишь, такое было в Лаговском, когда мы с тобой поженились. Смятое, с трещиной. Из него бежала струйка. Я достаю ведро, но не пью, а выливаю воду в деревянное корыто, вижу, как вода плещется, блесит. И вдруг появляется лошадь и начинает пить из корыта. Губы темные, глаза с белесыми ресницами, дышащие ноздри. И мне так хорошо, я так рада, что достала воду лошади. Что значил этот сон, не пойму.

– Давай посмотрим в Интернете толкование снов. Наберем: «Сон, вода, лошадь, овес, вертолет».

Он засмеялся, окончательно успокаиваясь и отшучиваясь. Вдруг испытал отчуждение к жене, к ее усталому, подурневшему лицу, к начинавшим отвисать щекам, к седым вискам, которые она перестала красить. К этому странному, из каких-то косных глубин сну. И вспомнилось восторженное лицо Леры, ее свежие губы, голое прелестное плечо, когда она рассказывала о волшебном русском языке.

– Я не люблю Интернет, – тускло сказала жена. И, глядя на ее несвежее платье, ноги в домашних шлепанцах, синюю венку, взбухшую на ноге, он с болью и состраданием вспомнил то лучистое, дивное время, когда она, исполненная красоты, цвела в своем раннем материнстве. Кормила грудью новорожденного сына, и в ее темных прекрасных глазах была нежность и умиление. Или шла в шелковом бирюзовом платье, на высоких каблуках, царственная, стройная, и встречные мужчины восторженно смотрели ей вслед.

– Спокойной ночи, Валя. Пора отдыхать. – Он повернулся, собираясь уйти.

– Подожди. Я хотела тебе сказать.

– Что?

– Я больна. Врач Сергей Семенович Куличкин провел исследование и сказал, что я больна и болезнь запущена.

– Как? Чем больна?

– Не хотела тебе говорить. Думала, обойдется. Когда ездила в Оптину пустынь, молилась, и как будто стало легче. Но теперь началось обострение.

– Неужели онкология?

– Да.

Плотников смотрел на жену, притихшую, печальную, покорную. В ее тусклом голосе, в том, как она сутуло и безвольно сидит, в неряшливом платье и шлепанцах была обреченность. Плотников с ужасом видел, что в ней поселилось темное молчаливое чудище и медленно растет, расплзается, занимает все больше и больше места. Жена несет в себе это безмолвное темное чудище, которое пускает в ней свои страшные отростки. Не в силах ему сопротивляться, покорно ему отдаваясь.

– Но как? Почему молчала? Надо лечиться! Есть прекрасные врачи, лучшие клиники! Поедешь в Германию!

– Клавдия Константиновна хочет познакомить меня с одним человеком. Он лечит «живой водой». У него есть лаборатория. Он изготавливает в ней «живую воду». Опухоль рассасывается, даже самая запущенная.

– Дичь! Идиотизм! Колдуны, шарлатаны! Вместо того чтобы обратиться к врачам, ты знаешься с церковными старухами и бессовестными шарлатанами!

– Не кричи на меня! Зачем ты на меня кричишь? – Она заплакала. И он в порыве нежности, любви и бессилия шагнул к ней, обнял, прижал к груди ее голову, чувствуя, как она вздрагивает, всхлипывает, прижимается к нему, как к последней опоре.

– Валя, родная, все будет хорошо. Мы справимся.

Дверь в гостиную отворилась, и появился сын Кирилл. Встревоженный, с круглым юношеским лицом, на котором сияли вопрошающие глаза.

– Мама, папа, что здесь происходит?

– Ничего, Кирюша, так, печаль набежала, – произнесла жена, отирая рукой слезы, – Я пойду отдыхать, а вы посидите. На кухне есть ужин. – И она ушла, тяжело ступая. И Плотников, глядя ей вслед, подумал, что она отягчена страшной ношей, носит жуткий, созревающий в ней плод.

Он был угнетен известием о болезни жены. Мучился тем, что лгал ей, больной и страдающей. И теперь, обнимая сына, искал в нем отраду, отрешался от дурных ощущений.

Сын Кирилл, девятнадцати лет, учился в Оксфорде и приехал домой на каникулы. Его юношеская худоба и стройность, свежесть округлого лица, большие карие глаза под мягкими бровями, которые он унаследовал от матери, крепкий рот и большой открытый лоб, доставшиеся от отца, – Кирилл был в том чудесном возрасте, когда душа выбирает путь и стремится сразу во все стороны, не ведая, какой путь главный.

Они стояли с Плотниковым у окна. Смотрели, как текут по проспекту огни, словно белые сосуды с огнем. Как крутится колесо обозрения с разноцветными спицами, похожее на расписную прялку. Как людно на мосту под фонарями, и множество золотых веретен отражаются в темной воде.

– Ну, что у тебя нового, сын? – Плотников заглядывал сыну в глаза. – Как время проводишь?

– Встречался с одноклассниками. Знаешь, когда два года назад расставались, клялись каждый год встречаться, поддерживать дружбу. А теперь встретились, и говорить не о чем. У каждого своя жизнь, свои интересы. Сенька Черкашин – по литературе одни пятерки имел, его в писатели прочили – водит автобус, шоферит, о заработках печется. Витька Цыплаков, который, ты помнишь, драку затеял, чуть в тюрьму не угодил, теперь в Москве, в университете учится, на юриста. Андрюха Сырцов в армии, где-то на Урале. А Вася Максютя – тихоня такой, рыбок разводил в аквариуме – на Донбасс уехал, воюет, ранен был. А я, сынок губернаторский, в Оксфорде учусь. Меня друзья лордом дразнят.

– Мужчины дружат, если у них есть общие интересы и цели. Исчезают общие интересы, расходятся цели, и дружба врозь. Это женщины с детства и до самой смерти дружат. У них чувства сильнее разума.

Плотников смотрел на открытый лоб сына, над которым распушились легкие светлые волосы. Когда-то Плотников любил дуть на этот пушистый чубчик, дыхание щекотало сыну лоб, и тот смеялся. Теперь, слушая рассказ Кирилла о школьных товарищах, Плотников вдруг вспомнил Зилю, которого они мучили всем классом, связали ноги и опустили вниз из окна, и Зиля стenal, извивался, а они хохотали. Это воспоминание причинило ему страдание. Грех, в котором он покался отцу Виктору, не был отпущен, мучил его.

– Конечно, папа, я тебе благодарен за Оксфорд. Мне интересно учиться. Там отличные парни. Я сдружился с канадцем Вилли, он сын известного банкира. И с индусом Чангом, он принц, из знатного рода. Но все же я думаю, может быть, мне следовало остаться в России, здесь поступить в университет? Мои школьные дружки смотрят на меня чуть искоса, как на «белую косточку», папенькиного сынка.

Плотников приобнял сына, чувствуя его юношескую стройность и гибкость. Сын, как стебель, тянулся вверх, утончаясь в талии, в шее, в плечах, исполненный хрупкой нежности.

– Ты послан мною в Оксфорд не на теплое место. Учись, впитывай, узнавай, заводи знакомства. Библиотеки, театры, интеллектуальные кружки. Узнавай их дух, их культуру, их психологию. Они наши вечные соперники, вечные противники. Они снова придут к нам, как приходил Стефан Баторий, Наполеон или Гитлер. Ты послан в стан противника и должен его изучать, пока он не двинул на нас свои дивизии и эскадрильи.

Плотников наставлял сына, давал ему задание, встраивал в свои замыслы. Между ним и Кириллом была связь, подобная световоду, по которому от отца к сыну лилась невидимая сила, родовая заповедь, упование на их неразрывные, одна другую продолжавшие судьбы.

– Окончишь Оксфорд, поступишь в корпорацию. Пусть вначале на самую скромную должность. И там учись, и там узнавай. У них есть тайны, которые они не открывают миру. Есть секреты, которые держат за семью замками. Не чертежи самолетов и кораблей. Чертежи своей цивилизации, которая обладает огромной мощью, огромной созидательной или разрушительной силой. Узнай, как устроена их цивилизация, в чем ее тайный код, где игла, на которой таится ее гибель. Привези эти секреты в Россию.

Плотников вел сына, давая направление его росту, его интересам, занимаясь его становлением с тех ранних чудесных дней, когда они шли по горячему лугу, наклонялись над цветущими ромашками, колокольчиками, резными пахучими травами, и Плотников учил сына названиям цветов, и тот собирал свой первый гербарий. А темной бархатной ночью, когда над крышей деревенской избы горели созвездия, оба они, запрокинув голову, смотрели до головокружения на сверкающее мироздание, и сын запоминал название звезд. Сын был любимым созданием, которое сотворял Плотников. Был проектом, который он задумал и все годы тщательно воплощал. Указывал сыну книги, которые тот должен читать. Фильмы, которые должен смотреть. Идеи, которые должен исповедовать. И сын послушно и благодарно следовал его наставлениям.

– Мы отстали от Запада, трагически отстали. Десяток лет разрушали себя, повинувшись злой воле. Проводили вредоносные реформы, которыми заразили нас, как заражают чумой. Мы теряли заводы, ученых, изобретателей. Теряли самый главный ресурс – историческое время. Теперь мы накануне рывка. Россия созрела для рывка. Мы вырвемся из капкана, куда нас затолкали, и начнем стремительно развиваться. Нам понадобится западный опыт. Потребуется не только их промышленные технологии, но технологии управления заводами и корпорациями, технологии управления историческим временем. Для этого нам нужны люди, знающие их секреты. Молодые, блестяще оснащенные, окончившие Оксфорд и Гарвард, Кембридж и Бостон.

Поработавшие в их корпорациях, знатоки их политики и культуры. Ты – один из них. Тебя ждет Россия. Не я, а Россия послала тебя в Оксфорд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.